

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ИЖОРСКІЙ.

Мистерія.

Библіотека Декабристовъ.
Книга II-ая, 1908 годъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Русская Жизнь.

Цензурныя условія, въ которыхъ находились до послѣдняго времени даже научные труды и историческія изслѣдованія, совершенно не допускали касаться многихъ весьма важныхъ и весьма интересныхъ моментовъ русской жизни, а единственное направленіе, допускавшееся въ русской исторіографіи и нашедшее себѣ послѣдователей въ лицѣ иловайскихъ, совершенно исказило ея прошлое.

Издательство Русская Жизнь задалось цѣлью оз... читающую публику съ жизнью Россіи, съ наиболѣ... щимися ея явленіями и фактами и дастъ рядъ изс... составящихъ въ общемъ цѣльную картину русск... XVIII и XIX вѣковъ. При этомъ въ основу изданія кла... **серьезность** и **научность** изложенія событій.

Они будутъ представлены въ описаніяхъ, запискахъ и воспоминаніяхъ самихъ участниковъ или современниковъ и работахъ извѣстныхъ историковъ Россіи.

Въ первую серію намѣчено:

1) **Дѣло и смерть царевича Алексѣя Петровича.**

2) **Записки Екатерины II.**—Переводъ съ рукописи, находящейся въ Государственномъ архивѣ. *Выпускъ вышелъ.*

3) **О поврежденіи нравовъ въ Россіи.**—Кн. М. М. Щербатова.

4) **Дворцовый переворотъ 1762 года и смерть Петра III.**—Сочиненіе извѣстнаго французскаго историка-очевидца—Рюльера (ни разу не напечатано); письма Петра III изъ заключенія; письма Орлова объ «узникѣ» и другія статьи и матеріалы. *Выпускъ вышелъ.*

5) **Княжна Тараканова.**—Не напечатанная рукопись и изслѣдованіе профессора Львовскаго Университета Лунинскаго по документамъ Государственнаго архива. *Печатается.*

6) **Іоаннъ Антоновичъ и Мировичъ.**—Изслѣдованіе.

7) **Дворцовый переворотъ 11 марта и смерть Павла I.**—Записки участниковъ и современниковъ: графа Бенигсена, графа Ланжерона, кн. Паленъ, гр. Гейкинга, Саблукова и др. *Печатается.*

8) **Александръ I.**—Записки его друга кн. Чарторижскаго.

9) ***Александръ* I и старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ.** *Изслѣдованіе.*

Трудъ: ж... кая картина историческаго содержанія.

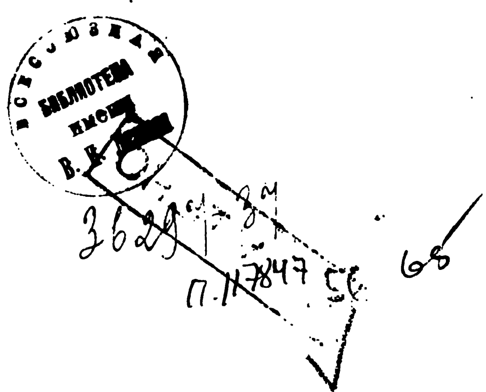
Ижорскій.

Библіотека Декабристовъ.
Книга II-ая, 1908 годъ.

ИЖОРСКІЙ.

Мистерія.

МОСКВА—1908.

Типо-лит. „РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА печатн. и издательскаго дѣла“.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.
Телефоны: 18.35 и 58.95.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если сочиненіе лишено внутренняго достоинства, самыя краснорѣчивыя предисловія не доставятъ ему благосклонности читателей. Однако же при попыткахъ, которыя въ какой-нибудь словесности еще новы и противорѣчатъ общепринятымъ правиламъ или предразсудкамъ, нельзя осудить писателя, когда онъ постарается указать публикѣ ту точку зрѣнія, съ коей смотрѣлъ на предметъ свой. Вотъ почему и мы позволимъ себѣ поговорить о томъ, что всего болѣе покажется страннымъ въ сей 1-й части нашей Мистеріи тѣмъ, которые знакомы съ романтическою драмою по одному, можетъ быть, Шекспиру и послѣдователямъ его, Шиллеру и Гёте. Нашъ Ижорскій созданъ не по симъ образцамъ, а болѣе по примѣру безхитростныхъ аллегорическихъ игрищъ Ганса Сакса, Братій страстей Господнихъ (Frères de la Passion), Английскихъ Менестрелей, Нѣмецкихъ Мейстерзенгеровъ и, если угодно охотникамъ до именъ болѣе громкихъ, Кальдероновыхъ: Sacramentales. Объ этомъ-то именно и желали мы намекнуть, назвавъ поэму свою *Мистеріею* и раздѣливъ ее не на пять, а на три дѣйствія или Хорнады, какъ обыкновенно Испанцы раздѣляютъ свои драматическія творенія.

Въ старинныхъ Мистеріяхъ, равно какъ и въ произведеніяхъ живописи XIII и XIV-го вѣковъ, не рѣдко случается, что глазамъ зрителей на одномъ и томъ же планѣ представляется двоякая или даже троякая сцена, наприм. небо, земля и адъ. Слѣды его обыкновенія еще находимъ въ извѣстномъ начеркѣ esquisse (*), кисти Рубенса представляющемъ Страшный Судъ и въ славномъ Рафаелевомъ Преображеніи. И мы подобную вольность позволили себѣ и, что всего хуже,—при самомъ началѣ, т.-е. въ 1-мъ явленіи нашей Мистеріи. Признаемся, мы тѣмъ хотѣли нѣсколько озадачить Гг. защитниковъ трехъ единствъ: человѣка, который до того могъ забыть главнѣйшіе сценическіе законы, безъ сомнѣнія они не удостоятъ классической критики, а пожавъ плечами, ... станутъ читать далѣе единственно для того, чтобы отыскивать новыя причины къ пожиманію плечами. Впрочемъ, чего же и ожидать порядочнаго отъ произведенія, въ которомъ дѣйствуютъ Кикиморы, Шишиморы, Русалки и проч.

Замѣтимъ однако же, для любителей Литературы Классической, что она оказала свое могущественное вліяніе и на насъ грѣшныхъ. Въ Аристофановыхъ хорахъ и даже въ монологахъ и діалогахъ дѣйствующихъ лицъ его Комедій много выходокъ, въ которыхъ онъ прямо говоритъ публикѣ, въ которыхъ найдутся насмѣшки и надъ современными ему писателями и героевъ, надъ самими собою и даже надъ Искусствомъ драматическимъ. За оныя выходки его весьма справедливо осуждалъ нѣкто Профессоръ Элоквенціи при Аѳинскомъ Университетѣ: „Онѣ-де“, говорилъ сей преострый мужъ, достойный многихъ хвалъ, „онѣ-де разрушаютъ сценическое очарованіе и напоминаютъ почтеннымъ Аѳинскимъ гражданамъ, присутствующимъ при лице-

(*) Этого начерка существуютъ два экземпляра: одинъ въ большомъ видѣ въ Мюнхенской, прежде бывшей Дюссельдорфской; а другой уменьшенный въ Дрезденской галлереѣ.

дѣйствіяхъ, что передъ ними не Бакхусъ, не Демосъ, не облака и не лягушки, а Карпъ, Сидоръ, крашеный холстъ и Статисты. Въ противномъ же случаѣ Его Превосходительство Г. Архонтъ, Ихъ Высокородія Господа Пританы и прочіе точно были бы увѣрены, что видять самаго Бакхуса, самаго Демоса и проч. probandum erat и въ чемъ уповательно никто не сомнѣвается". Мы не изъ числа невѣрующихъ. Но, какъ ужъ намъ вѣрно суждено было судьбою, собрать вкупѣ и соединить всѣ ошибки и промахи нашихъ предшественниковъ, мы обрадовались сей погрѣшности невѣжи Аристофана и ею воспользовались.

Но оставимъ Г. Профессора Элоквенціи и его собратію; обратимся къ любезнымъ нашимъ читателямъ. Нынѣ при общемъ движеніи въ Литературахъ всѣхъ языковъ Европейскихъ, при движеніи, которое обнадеживаетъ всякаго, слѣдующаго мыслію за ходомъ вѣка своего, что бóльшая народность, бóльшая живость, бóльшая соотвѣтственность современнымъ понятіямъ будутъ плодами онаго, нынѣ кажется можно было бы воскресить и Мистеріи родъ драматической Поэзіи, по нашему мнѣнію не заслуживающій совершеннаго забвенія. Шекспиръ безъ сомнѣнія величайшій изъ романтиковъ; но Сервантесъ, Лопе де Вега, Кальдеронъ, Морето, самый Гансъ Саксъ,—мужи, которые имѣютъ неоспоримыя, великія права на тщательное изученіе Стихотворцевъ нашего поколѣнія.—Есть истины, или забытыя или слишкомъ мало еще оцѣненныя, истины, которыя весьма бы желательно представить въ разительномъ видѣ не только уму, но, такъ сказать, самымъ очамъ людей мыслящихъ; а сего достигнуть иначе нельзя, какъ посредствомъ формы драматической. Вотъ, чего желали первые сочинители Мистерій; вотъ, къ чему стремились и мы при сочиненіи Ижорскаго. Одна главная мысль господствуетъ въ нашей драмѣ: эта мысль уже изложена въ сей первой части, а во второй будетъ развита еще болѣе. Недоумѣніе читателей на счетъ этой основ-

ной мысли—вотъ единственная критика, къ которой мы были бы чувствительны. Высказать здѣсь мысль сію было бы лишнимъ: ибо если сами читатели ее не отгадаютъ, мы трудъ свой должны считать неудавшимся.

Намъ остается еще отвѣчать на возраженіе, которое, намъ вѣроятно сдѣлали бы критики другой школы, совершенно противной той, о коей выше намекали. „Цѣль Поэзіи сама Поэзія"; скажутъ они по словамъ Шлегеля. „Итакъ, не значитъ ли унижать сіе высокое искусство, когда употребишь его средствомъ для доказательства какой-нибудь отдѣльной, частной истины; когда, такъ сказать, разжалуешь Поэзію въ служанки Нравоученія?"—Безъ всякаго сомнѣнія. Но есть въ нравоученіи, какъ во всѣхъ другихъ наукахъ, истины поэтическія. Почему же не разработать, не развить ихъ поэтически. Почему же не создать изъ нихъ новаго поэтическаго міра? Во всей вселенной—гармонія: нѣтъ предмета отвлеченнаго, которому бы не соотвѣтствовалъ чувственный; нѣтъ духа, который бы не отражался въ какомъ-нибудь тѣлѣ; нѣтъ мысли, которая бы не проявлялась въ образѣ Поэтическомъ. Найти сей образъ не значитъ покорить его мысли; представить его зрителямъ такъ, чтобы они уразумѣли, чему онъ соотвѣтствуетъ, не значитъ употребить его единственно средствомъ къ достиженію цѣли непоэтической. Его унизить только тогда, когда онъ будетъ служить однимъ украшеніемъ, одною одеждою къ прикрытію наготы сухой истины, какъ наприм. въ Поэзіи Дидактической. Скажемъ болѣе: безъ главной, основной мысли (идеи), все соединяющей, все связывающей, все оживляющей, Поэма, какая бы ни была,—тѣло безъ души, котораго удѣлъ безобразіе и разрушеніе.

Объяснившись, во-первыхъ, на счетъ разряда Поэтическихъ произведеній, къ которому желаемъ, чтобы причислили нашего Ижорскаго и, во-вторыхъ, на счетъ того, къ чему стремились мы въ сей Мистеріи, неизлишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о способѣ изложенія,

коего держались мы, и о характерѣ употребленныхъ нами существъ миѳологическихъ.

По предначертанію нашему поступки самаго героя и окружающихъ его лицъ, равно и все случающееся съ нимъ, служатъ единственно къ раскрытію его наклонностей. По сему самому большая часть сихъ дѣйствій и событій происходитъ за сценою; зрителямъ же гораздо чаще представляются перемѣны, произведенныя ими въ Ижорскомъ, нежели сами онѣ. Мистерія *Ижорскій* въ этомъ отношеніи составляетъ совершенно противоположный полюсъ Шекспировымъ Комедіямъ Испанцевъ (Gomedias de capa Yespada): тамъ по происшествіямъ догадываешься о чувствахъ лицъ дѣйствующихъ, здѣсь чувства Ижорскаго поясняютъ происшествія и пророчатъ его дѣйствія. По лирическому духу, преобладающему, какъ въ мистеріяхъ, такъ и вообще во всѣхъ другихъ родахъ драматической поэзіи, близкихъ къ первоначальнымъ стихіямъ оной, мы по необходимости и въ своей драмѣ, составленной по образцу ихъ, должны были отказаться отъ разительныхъ дѣйствій и событій передъ самыми глазами зрителей.

Миѳологическихъ существъ, составляющихъ въ нашей драмѣ чудесное, или, по словамъ Вальтера Скота, *волшебное* (*) много; но мы, воспользовавшись ими, хотѣли указать на богатство, которое Поэту представляетъ Романтическая Миѳологія вообще, а Русская въ особенности. Въ драмѣ, которой дѣйствіе происходитъ въ XIX столѣтіи, мы употребили ихъ не безъ ироническаго намѣренія. Какое это намѣреніе, надѣемся, легко увидитъ всякій, наблюдавшій съ нѣкоторымъ вниманіемъ вѣкъ нашъ. Бóльшей части сихъ Миѳологическихъ пружинъ мы старались присвоить нѣчто народное, Русское. Такимъ же образомъ мы поступили и съ ямщикомъ, колдуномъ и семействомъ крестьянина Богдана. Лица высшаго круга—Европейцы: однако же и въ ихъ образѣ

(*) См. Сынъ Отечества на 1829 No.

мыслей, поступкахъ и словахъ найдутся оттѣнки, обозначающіе Русскій народный характеръ, степень быта гражданскаго, образованности и просвѣщенія, на которой находимся, привычекъ и причудъ, намъ преимущественно свойственныхъ.

Спѣшимъ окончить наше предисловіе, дабы оно не показалось слишкомъ длиннымъ и важнымъ для произведенія столь ничтожнаго, какимъ Ижорскій нашъ многимъ покажется *).

---

*) Какъ предисловіе это, такъ и сама Мистерія принадлежатъ перу декабриста Кюхельбекера. Мистерія въ 1835 году была напечатана безъ имени ея несчастнаго автора—такъ это дѣлаемъ теперь и мы изъ уваженія къ памяти Кюхельбекера. Другіе его произведенія мы постараемся дать въ ближайшихъ выпускахъ Библіотеки. *Ред.*

ИЖОРСКІЙ.

Часть I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Левъ Ижорскій, богатый Русскій дворянинъ.
Князь Пронскій.
Княжна Лидія, дочь его.
Графиня Шепетилова, двоюродная ея сестра.

Вѣтреневъ.
Жеманскій.
Весновъ.
} Молодые люди, служащіе въ Петербургѣ.

Богданъ.
Жена его.
Ѳома, сынъ ихъ.
Марѳа, дочь.
Вавила.
} Крестьяне Льва Петровича Ижорскаго

Ямщикъ.
Духи.
Бука.
Кикимора.
Шишимора.
Сова.
Зничъ.
Волкъ, оборотень
Мертвецы.
Блудящіе огни.
Русалки.
Лѣшіе.
Домовые.
Сильфы.
Гномы.
Ондины.
Саламандры.

Дѣйствіе происходитъ то въ Петербургѣ и въ окрестностяхъ, то въ Брянскихъ лѣсахъ въ помѣстьѣ Ижорскаго.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 1.

(Царско-Сельская дорога, солнце заходитъ; Ижорскій скачетъ на перекладныхъ).

Ижорскій.

На водку, братъ, рублевикъ! погоняй!
Таскаться, право, надоѣло.

Ямщикъ.

Таскаться? наше ли съ тобою, баринъ, дѣло?
Взгляни-ко, примѣчай:
Скатилось солнышко, а не уступитъ ночи,
Какъ разъ тебѣ заблещетъ Питеръ въ очи!
Соколики, эй! дернемъ, эй!
Эй, варвары, смѣлѣе!
Не выдай, сивка! пожалѣй!
Боишься? ну! дружнѣе!
Чтобъ волкъ тебя! дворянчикъ ты, не конь!
Вонъ, видишь, баринъ? отъ колесъ огонь!
По всѣмъ, по тремъ—эхъ, коренной не тронь!
Издалека ли ѣдетъ ваша милость?

Ижорскій.

Издалека.

(Ямщикъ запѣваетъ пѣсню, Ижорскій про себя).

На родину спѣшу,
Родимымъ воздухомъ дышу;
Такъ, радость чувствую, но вмѣстѣ и унылость.

Повѣрю ли, чтобъ здѣсь въ землѣ родной
Столкнулось счастіе со мной?
Игралище страстей, людей и рока,
Я счастія въ странахъ роскошнаго Востока
Искалъ, въ Аравіи, въ Иранѣ золотомъ,
Подъ небомъ Индіи чудесной,
Въ блестящихъ городахъ, подъ подвижнымъ шатромъ;
Но не встрѣчалъ нигдѣ, скитаясь въ поднебесной.
Ничѣмъ моя не исполнялась грудь;
Напрасенъ былъ мой долгій путь.

(Задумывается; между тѣмъ являются духи, невидимые Ижорскому).

Одинъ духъ.

Закатилося солнце,
Глядь,—стало темно:
Человѣкъ засыпаетъ;
Нашъ часъ настаетъ.

Другіе.

Взвѣйтеся, взвѣйтеся, легкіе други!
Въ небѣ зажглась за звѣздою звѣзда;
Мчитесь въ ихъ блескѣ туда и сюда!
Филинъ и сычъ наши слуги,
Синіе свѣтятъ изъ блата огни. . . .
Мчитеся: нетопыри намъ кони!

Ижорскій.

Ямщикъ, что такъ жужжитъ надъ нами?

Ямщикъ.

Кружатся комары роями:
День жаркій былъ, знать, будетъ новый зной.
Но городъ видишь ли передъ собой?

Ижорскій (про себя).

Вздымается Петрополь изъ тумана,
Весь мраченъ, лишь одной бойницы остріе
Горитъ средь темноты, похоже на копье
Чудовищнаго великана.

ДУХИ.

Одинъ.

На сизой стрекозѣ верхомъ
Летитъ Кикимора забавный;
Онъ витязь, онъ наѣздникъ славный:
Цвѣтъ колокольчика шеломъ,
Броня ему—кольчуга рака,
А плащъ—листокъ багровый мака;
Поитъ онъ пьяницу виномъ,
Толкаетъ подъ бокъ забіяку,
Съ женою мужа вводитъ въ драку;
Катясь, кружася кубаремъ,
Сшибаетъ съ ногъ дѣвицъ спѣсивыхъ;
Рогами краситъ лобъ ревнивыхъ:
Его блаженство шумъ и громъ.

Хоръ.

Скорѣе, скорѣе! навстрѣчу ему!
Поклонимся, братцы, вождю своему!

(Часть летитъ навстрѣчу Кикиморѣ;
другая остается).

1 духъ.

Ужъ луга и нивы пусты,
Пахарь въ хижинѣ храпитъ. . .
Братцы, что за важный видъ!
На большомъ листѣ капусты
Вонъ Шишимора летитъ:
На коврѣ на самолетѣ
Хитрый козподѣй сидитъ;
Полночь близко; онъ къ работѣ,
Къ чернымъ радостямъ спѣшитъ.

2 духъ.

Крадя пауковъ добычу,
Онъ высасываетъ мухъ;
Розгой на красу дѣвичью
Вооружаетъ злыхъ старухъ;

Въ садъ ли лазить кто рѣшится
Къ милой въ ночь черезъ заборъ?
Вдругъ Шишимора примчится,
Свистнетъ, весь подниметъ дворъ,
Всѣхъ напуститъ на дѣтину,
Дворнику подастъ дубину,
Псовъ разбудитъ;—стукъ и вой!
И съ разодранной шинелью
И съ разбитой головой,
Путь къ опасному веселью,
Обтирая кровь и потъ,
Страстный витязь проклянетъ!

Хоръ.

Товарищи, други! уйдемъ, утечемъ;
Страшитесь: найдете доносчика въ немъ.

(Разлетаются).

Ижорскій.

Семь верстъ еще: какъ скучно!
Быть, кажется, грозѣ: чернѣетъ небо; душно.
Спой пѣсню, братъ, авось развеселюсь.

Ямщикъ.

Пѣть радъ бы, надоѣстъ, боюсь. . .

(Поетъ).

Какъ изъ-за моря, изъ-за синяго
Добрый молодецъ возвращается
Въ свою сторону, милу родину,
Много молодцу вображается,
Про себя онъ самъ усмѣхается:
„Отцу, матери поклонюся я,
„Съ красной дѣвицей поцѣлуюся,
„Золотымъ кольцомъ размѣняюся,
„Золотымъ вѣнцемъ обвѣнчаюся
„Съ моей суженой, съ моей ряженой,
„Съ моей вѣрною полюбовницей“.

* *
*

Какъ изъ-за моря, изъ-за синяго
Воротился свѣтъ добрый молодецъ;

Его батюшка во сырой землѣ;
Родна матушка на чистомъ столѣ;
Красна дѣвица обвѣнчалася,
Друга вѣрнаго не дождалася . . . .

Ижорскій (прерываетъ его).

А товарищи, а разгульные
Съ добрымъ молодцемъ повстрѣчалися
Безталанному посмѣялися.“ •
Не такъ ли, братъ-ямщикъ?

Ямщикъ.

Такъ точно, Ваше Благородье:
Поютъ, признаться, такъ у насъ въ простонародьѣ.

Ижорскій.

Я? я не жду отца: давно ужъ мой старикъ
Покоится за Охтой на кладбищѣ.
А мать, родя меня,
Терзаясь и стеня,
Отъ сей земли ушла въ безсмѣнное жилище.
Я матери своей, пріятель, не знавалъ,
На родинѣ любовью не сгоралъ;
Съ невѣстой мы не разставались. . . .
Не отгадаю я,
Чему веселые друзья,
Со мной бы встрѣтясь, посмѣялись.

Ямщикъ (начинаетъ другую пѣсню въ полголоса).

„Какъ молодчика взманила
Баба водяная:
Удалаго потопила
Глубина рѣчная.“
(Бьетъ по лошадямъ).
Вотъ я тебя, красотку!
Съ горки на горку,—баринъ дастъ на водку.
(Бьетъ по лошадямъ)

Кикимора (въ описанномъ выше видѣ).

Шурмуйте, дѣти темноты!

Взлетайте выше тучъ, луною посребренныхъ,
Пляшите ниже ландышей смиренныхъ,
Вскружилась голова отъ вашей суеты;
Нѣтъ, *такъ* я не скучалъ еще ни разу!
Какую бы мнѣ сотворить проказу?
Кого бы нарядить въ шуты?
Да! вотъ несется кто-то;
Меня беретъ охота
Телегу опрокинуть въ ровъ.
(вьется надъ телегой и пугаетъ
лошадей хлопушкой).

Шишимора.

Кикимора, не трогай ѣздоковъ.

Кикимора.

Ты унимать другихъ всегда готовъ,
Да не трудись! коней бѣшу хлопушкой,
Играю собственной, а не твоей игрушкой.

Шишимора.

Не тронь! онъ (указывая на Ижорскаго)
мнѣ принадлежитъ:
Туранскій Дивъ, Арсланъ мнѣ шлетъ его въ подарокъ.

Кикимора.

Ахъ, братецъ, меринъ коренной пыхтитъ.
Послушай: день былъ жарокъ:
Дай ихъ помыть, дай въ лужу окунуть

Шишимора.

Не смѣй на нихъ ниже дохнуть;
Прочь! подниму тревогу;
Вѣдь Буку позову: онъ,—знаешь ли? тебѣ. . . .
(про себя)
Конечно, можно бы. . . но нѣтъ! боюсь; себя. . . .
Пусть кончитъ мой мудрецъ дорогу:
Какъ разыграюсь, руку или ногу
Ему сломлю; а онъ мнѣ нуженъ цѣлъ.
Къ тому же этотъ мнѣ пострѣлъ,
Кикимора—нѣтъ мочи!—надоѣлъ.

(громко)

Прочь, разсержуся не на шутку!

Кикимора.

Мы похохочемъ лишнюю минутку;
Сердись!

Шишимора.

Смѣешься надо мною, плутъ!

Кикимора.

А! ты ругаться смѣешь, шутъ?
Ну, не во гнѣвъ: приму тебя, братъ, въ руки:
За чупъ, за чупъ!

Шишимора (защищаясь).

Кикимора, не будь же глупъ!
Кикимора, и не боишься Буки?
Ай! право, Бука близко! ай!
Ай, Бука! ай, ай! Бука, помогай!

(Улетаютъ оба).

(Ижорскій между тѣмъ подъѣхалъ къ заставѣ).

Ямщикъ.

Эй, баринъ! спишь? Застава! прилетѣли!
Тфу пропасть! ввѣкъ мои лошадки не робѣли,
А нынче что-то да не такъ;
Метались въ сторону, храпѣли;
Да, благо, я не изъ зѣвакъ:
Не то, мы въ ямѣ бы сидѣли.
Семъ, колокольчикъ отвяжу! слѣзай,
Проснись-ко, подорожную подай;
Мы въ Питерѣ, Сударь!

Ижорскій (подаетъ часовому подорожную).

Я здѣсь, родимый край!
Здѣсь сынъ твой: изъ степей, изъ обиталищъ дальныхъ
Въ родныя стѣны возвращенъ:
Для радостныхъ ли дней, или для дней печальныхъ?
Отвѣтствуй, пышный градъ! Но въ безотвѣтный сонъ
Нѣмой, безчисленный Петрополь погруженъ:

Ни гласа, ни привѣта!
Вся область спитъ, туманами одѣта. . .
Туманы! мгла!—Увы! гдѣ полуденный рай?
Ты далеко за мной, Иранъ, отчизна свѣта!

Унтеръ-Офицеръ

(подходитъ къ телѣгѣ)

Гдѣ остановитесь?

Ижорскій.

У Демута.

Унтеръ-Офицеръ.

Ступай!

(Шлагбаумъ поднимаютъ; Ижорскій въѣзжаетъ въ городъ; прилетаетъ Кикимора).

Кикимора,

Еще бы ихъ застать! да чай,
Они ужъ выѣхали въ заставу. . . .
Ну, все равно! ужъ я потѣшился на славу.
Какъ я его таскалъ!
Ужъ какъ поколотилъ исправно!
Какъ онъ кувыркался забавно!
Да какъ я хохоталъ!
Чтожъ мы теперь начнемъ? Изъ слуховыхъ окошекъ,
Дай, вызову влюбленныхъ кошекъ,
Котомъ мяучить стану по стѣнѣ.
Быть празднымъ не люблю: возметъ тоска и скука....

(Испугавшись).

Чу! поле вздрогнуло отъ топота и стука!

(Смотритъ въ даль).

При выглянувшей изъ-за тучъ лунѣ,
Мнѣ чудится, на соловомъ конѣ
Тамъ грозно мчится—неужели Бука?
Онъ! онъ!—Шишимора, не въ добрый же ты часъ
Сказать рѣшился правду въ первый разъ!
Что, ежели тебя нашли въ канавѣ?
Воображаю, какъ расплакался пролазъ,
Какъ началъ доносить, наушничать на насъ!
Быть, кажется, допросу, быть расправѣ.

Д У Х И (невидимые).

Одни

(изъ дали съ одной стороны).

Содроглися кости въ заросшихъ гробахъ:
Къ намъ Бука несется въ густыхъ облакахъ;
Дохнетъ ли перуномъ—завяла трава;
Просвищетъ ли бурей—валятся древа.

Другіе

(съ другой стороны ближе).

Ау, ау, Кикимора!
Зовутъ тебя, тебя зовутъ!
Спѣши, лети: зовутъ на судъ.
Ау, ау, Кикимора!
Явися, оправдай себя,
Кикимора, зовутъ тебя!

Кикимора (передразнивая ихъ).

Ау! Кикимора! зовутъ!
Зовутъ, не устаютъ:
Кричатъ, аукаютъ,—ну, словно дѣвки,
Какъ въ чащѣ разбредутся по грибы!
Но дѣлать нечего; не миновать судьбы:
Пришлось раздѣлаться за шутки, за издѣвки!

Духи (приближаясь).

Ау! Кикимора!

Кикимора.

Ау! лечу, лечу!
Но я тебѣ, пріятель, отплачу!

(Улетаютъ).

Явленіе 2.

(Ночь; пустынное мѣсто; перекрестокъ; по одну сторону лѣсъ, по другую кладбище; вдали волнуется море; луна перебѣгаетъ тучи).

Сова.

(сидя на пнѣ надъ курганомъ).

Крикъ призывный, крикъ совы:
Духи, собрались ли вы
Въ часъ волшебный предъ разсвѣтомъ
На холмѣ въ туманъ одѣтомъ?

1. Мертвецы.

Мы услышали твой зовъ;
Мы поднялись изъ гробовъ
Тамъ изъ подъ дубовъ и липокъ,
Рой безпятыхъ, рой Антипокъ (*)

2. Блудящіе огни.

Рой подводныхъ плясуновъ,
Мы услашали твой зовъ
Тамъ надъ радугой болота,
Средь зеленыхъ, влажныхъ мховъ;
Что? какая намъ работа?

3. Русалки.

Мы при мѣсячныхъ лучахъ
Раскачались на древахъ,
Хохотливыя Русалки:
Вдругъ услышали твой зовъ
Голосъ твой смѣшной и жалкой—
И примчались изъ лѣсовъ.

4. Лѣшіе.

Ель, сосна не выше лѣшихъ,
Намъ въ травѣ равна трава:
Что прикажешь намъ, сова?

---

*) Безпятыми Антипками называются въ нѣкоторыхъ у насъ сказкахъ мертвецы, вампиры.

Мы заводимъ въ тину пѣшихъ
Мы обхо имъ ѣздоковъ.
Мы услышали твой зовъ.

5. Домовые.

На грудяхъ, какъ лебедь, бѣлыхъ,
Чистыхъ, будто первый снѣгъ,
Юныхъ вдовъ и дѣвъ созрѣлыхъ
Мы избрали свой ночлегъ;
Тамъ мы на грудяхъ сидѣли,
Зовъ услышали—слетѣли!

6. Сильфы.

Сильфы мы: мы отъ высотъ
Гдѣ безъ скорби, безъ заботъ
И рѣзвились и кружились,
На лучахъ луны спустились.

7. Гномы.

Блескъ несносный, свѣтъ дневной
Ненавидятъ наши очи;
Мы жильцы подземной ночи:
Вверхъ мы вызваны совой.

8. Ондины.

Домъ нашъ въ глубинѣ пучины:
Но на берегъ вышли мы
Изъ рѣчной, прохладной тьмы,
Сладкогласныя Ондины.

9. Саламандры.

Мы жъ купаемся въ огнѣ;
Любимъ мы и трескъ и пламень;
Съ дымомъ вьемся къ вышинѣ,
Растопляемъ мѣдь и камень:
Совушка, сова, изъ совъ,
Мы услышали твой зовъ!

Всѣ.

Совушка, сова изъ совъ,
Мы услышали твой зовъ!

Сова.

Сюда васъ звать велѣлъ великій Бука:
Судить онъ хочетъ двухъ ослушниковъ-духовъ:
Надъ ними приговоръ да будетъ вамъ наука!
Не знаю, превратитъ ли ихъ въ воловъ,
Ихъ человѣку предоставитъ
И грудь земли орать заставитъ,
Иль же обернетъ въ почтовыхъ лошадей,
Или въ кряхтящихъ стихотворцевъ,
Или въ дрожащихъ царедворцевъ,
Или въ игралище дѣтей,
Жуковъ, привязанныхъ ногою къ ниткѣ;
А только знаю, ихъ осудитъ къ страшной пыткѣ.
Пора унять васъ: вы охотники шалить.
Но благо: съ вашей братьею шутить,
Я вамъ порука,—
Не любитъ Бука.

(*Бука*, огромная обезьяна, поднимается изъ подъ земли, въ большихъ креслахъ, обитыхъ алымъ бархатомъ; на немъ алый же плащъ, на головѣ большой парикъ вѣка Людовика XIV, въ правой рукѣ пукъ розогъ).

Бука (къ Кикиморѣ и Шишиморѣ, которыхъ держитъ передъ нимъ связанныхъ другая обезьяна).

Кикимора! Шишимора! раздоръ,
Который сѣете между духами,
Намъ надоѣлъ; отъ жалобъ, криковъ, ссоръ
Покоя нѣтъ намъ: что намъ дѣлать съ вами?
А сверхъ того, не я ли вамъ велѣлъ
Отнюдь, никакъ не вѣдаться съ чужбиной?
И что же? ты, Кикимора пострѣлъ,
Ты Англичанъ, ты Нѣмцевъ облетѣлъ,
Ты воротился съ цѣлою корзиной
Противныхъ мнѣ, неслыханныхъ затѣй!
И что же? Русскую Литературу,
Мою шутиху, смирненькую дуру,
Ты, ты заставилъ умничать, злодѣй!
Я дядьку далъ ей, чиннаго Француза;
Я няньку далъ ей,—называлась Муза.

Да, Муза!—но межъ вами шалуны,
Тобой, Кикимора, научены,
Monsieur не *вкусомъ* звали, а *педантствомъ*
И Музу начали честить жеманствомъ.
Что жъ далѣе? старушка, старичокъ
Сердились, но не ждали, не гадали
Отъ васъ, повѣсъ, ни горя, ни печали;
Дитя ихъ слушалось, подъ ихъ гудокъ
Плясало по введенному порядку;
Вдругъ няньку въ шею, старику толчокъ,
Ногами топнуло и ну! въ присядку.
А ты, Шишимора!—ты не шалунъ,
Ты хуже шалуна: наушникъ, лгунъ;
Обнесть другихъ—тебѣ и пиръ и праздникъ
Но самъ каковъ ты? говори, проказникъ,
Скажи, какъ смѣлъ ты? Буки не спросясь,
Сноситься тайно съ Дивами Турана?
Не ты ль подарокъ принялъ отъ Арслана?
Или не я властитель твой и Князь?
Къ тому жъ, кому раскидываешь сѣти?
Холодному, слѣпому гордецу,
Безумному, какъ всѣ Адамли дѣти,
Бѣгущему на гибель, какъ къ вѣнцу,
Безъ всякой помощи духовъ и ада;
Ловить такихъ—какая тутъ отрада?
Теперь внемлите мнѣ, духовъ соборъ:
Произнесу надъ ними приговоръ:
За всѣ помянутыя мною шашни
Я могъ бы ихъ томить въ подвалахъ башни;
Зашить я могъ бы въ зайчій ихъ тулупъ,
Пугать и гнать помѣщескими псами;
Лѣтъ на сто запереть въ пустынный дубъ . . .
Не такъ ли? могъ бы? разсудите сами!
Но потому ли, что нашъ вѣкъ такъ глупъ
И ужъ съ виновныхъ не сдираютъ кожи,
Или, что съ прежнимъ Букою не схожій
Хотя, какъ прежде, хмурю бровь и лобъ,

Я самъ подъ старость тайный филантропъ,
Или, что безъ того, не быть бы сказкѣ,—
Я положилъ въ премудрости своей,
Дабы подобныхъ не было затѣй,
Но предварительной, примѣрной таскѣ,
Ихъ порознь на годъ въ кабалу отдать
Ижорскому.—Надѣюсь, имъ наскучитъ,
Насъ слушаться, надѣюсь, ихъ научитъ!
Не слишкомъ ли я благъ? прошу сказать.

Всѣ духи.

Преступники достойны всякой муки:
Поемъ и славимъ милосердье Буки!

Бука.

Но мѣсяцъ въ облакахъ потухъ:
Бѣлѣетъ край небесъ туманныхъ,
Рѣдѣетъ тьма полей пространныхъ,
Свѣтаетъ . . . . чу! запѣлъ пѣтухъ!
(Бука снова погружается въ землю; духи исчезаютъ.)

Сова.

Легче дыма, легче сновъ
Разлетѣлся сонмъ духовъ;
Нѣтъ видѣнья, нѣтъ призрака;
Шумъ и шепотъ ихъ затихъ:
Миновало царство мрака;
Солнце близко, развсвѣло;
Спрятаться и мнѣ въ дупло!
(Прячется.)

Явленіе 3.

(Огромная, освѣщенная зала; оркестръ играетъ вальсъ; паръ нѣсколько кружатся, въ числѣ ихъ Ижорскій съ Лидіею: послѣ двухъ или трехъ туръ, онъ подводитъ ее къ стулу Графини Шепетиловой; и откланивается; музыка перестаетъ, танцоры расходятся.)

Лидія.

Алина, съ кѣмъ я танцовала?

Графиня.

Ижорскаго, ma chère, ты не знавала:
Онъ путешествовалъ, въ пять лѣтъ
Объѣхалъ цѣлый свѣтъ;
Какъ слышно, человѣкъ необычайный
И свелъ своимъ умомъ Вѣтренева съ ума.

Лидія.

Людей необычайныхъ нынѣ тьма.
А впрочемъ, ты признаешься сама,
Вѣтренева съ ума свесть—нѣтъ великой тайны.

Графиня (Вѣтреневу, который разговариваетъ въ нѣсколькихъ отъ нихъ шагахъ съ однимъ Генераломъ).

Вѣтреневъ, слышите?

Вѣтреневъ.

Позвольте, Генералъ!
Графиня, нѣтъ! простите! не слыхалъ.

Графиня.

Княжна божится, что не трудно
Съ ума васъ свесть.

Вѣтреневъ.

Съ Княжной и съ вами спорить безрасудно:
Княжнѣ и вамъ на жертву умъ принесть
Всегда себѣ поставлю въ честь.

Лидія.

Знакомы вы съ Ижорскимъ?

Вѣтреневъ.

Боже!
Мы съ нимъ друзья:
Онъ жизни для меня дороже;
Съ нимъ неразлученъ я.

Графиня.

Намъ друга своего, Вѣтреневъ, опишите!

Вѣтреневъ.

Глубокій умъ, но сердце не ищите:
Оно растаяло отъ гибельныхъ страстей.

Лидія.

Господь избавь насъ отъ такихъ друзей!

Вѣтреневъ.

Лицо Вампиры или Лары . . . . .
(Оркестръ начинаетъ играть кадриль).
Кадриль! тамъ не достало пары.
Осмѣлюсь ли, Княжна?
(Лидія встаетъ и подаетъ ему руку).

Графиня.

Вѣртеться не откажется она!
(Ижорскій между тѣмъ бродитъ по залѣ; останавливается и смотритъ на танцующихъ).

Жеманскій.

(подходитъ къ нему).
Вы такъ задумчивы, Ижорскій; влюблены ли?

Ижорскій.

Что за вопросъ? но пусть такъ! я влюбленъ.

Жеманскій.

Не вѣрю я: вы ко всему остыли.
И я, признаться, свѣтомъ утомленъ:
Я много жилъ, и чувствовалъ, и видѣлъ,
Я много жилъ—и жизнь возненавидѣлъ!

Ижорскій.

Но съ небольшимъ вамъ двадцать лѣтъ?

Жеманскій.

Да въ двадцать лѣтъ я прожилъ вѣки.
Испилъ и радости и скорби рѣки,
И для меня обмановъ сладкихъ нѣтъ!

Ижорскій.

Тогда возмите пистолетъ
И—застрѣлитесь.

Жеманскій.

Вотъ совѣтъ!
Но видно по всему, вы не поэтъ
(Уходитъ).

Ижорскій.

Вотъ молодъ, и румянъ, и глупъ, и тученъ:
А и въ него вселилась блажь
И лѣзетъ онъ туда-жъ
И страстію *байронствовать* размученъ!

Весновъ
(приближается къ Ижорскому
съ нѣкоторой робостью).

Вы здѣсь, Ижорскій? и не скучно вамъ?
Средь вихря свѣта леденѣютъ чувства:
Природа чудеса и чудеса искусства
По слуху одному знакомы намъ;
Но вы ихъ видѣли! вы были въ вѣчномъ Римѣ;
На Этнѣ были вы: въ ея священномъ дымѣ;
Надъ моремъ пламеннымъ, надъ ранней, свѣтлой мглой
Носились вы ликующей душой
При воскресающемъ, дневномъ свѣтилѣ!
Вы поклонялися въ степяхъ при древнемъ Нилѣ
Царей Египетскихъ гробамъ;
Вы измѣряли Пирамиды . . . . . .
О Боже мой! вы были тамъ,
Гдѣ за свободу гибли Леониды,
Гдѣ пѣлъ божественный Гомеръ!
Въ Аѳинахъ, въ Спартѣ были сами!
Ахъ! какъ вы счастливы въ сравненьѣ съ нами!
Я, напримѣръ,
Подъ хладными я зрѣю небесами,
Все это только знаю я изъ книгъ— —
Какъ на восторги васъ достало?
Клянуся, за одинъ подобный мигъ
Отдать полжизни дешево и мало!
(Ижорскій смотритъ на него не безъ участья,
но не отвѣчаетъ; Весновъ удаляется).

Ижорскій.

Какъ молодъ онъ, какъ пламенъ, какъ свѣжъ!
Да, были и во мнѣ когда-то чувства тѣ жъ. . . .
Зачѣмъ же я оцвѣлъ и очерствѣлъ такъ скоро?
Давно мою я позабылъ весну.
Но отъ его сокрою взоръ
Души моей убитой глубину;
Холодный мой языкъ счастливца не востревожитъ.
Онъ впрочемъ и понять меня не можетъ:
Содрогся бы, когда бъ воображалъ,
Что я среди святыхъ воспоминаній,
Среди развалинъ, водопадовъ, скалъ,
Въ странахъ, къ которымъ простираетъ длани,
Гдѣ каждый шагъ мой чудо обрѣталъ,
Безъ крыльевъ, безъ мечтаній
Скучалъ! . . . . . .
(помолчавъ).
Какъ надоѣлъ мнѣ этотъ балъ!
Мнѣ душно! шумомъ оглушонный,
Въ толпѣ, но средь толпы уединенный,
Забыться не могу: пойду;
Но скуку ту же я вездѣ найду.
(Уходитъ).

Явленіе 4.

(Невская набережная; свѣтлая сѣверная ночь; Ижорскій прогуливается).

Ижорскій.

Плыветъ по небу ясная луна;
Съ чуть слышнымъ стономъ о гранитъ прибрежной
Бьетъ сонная, лѣнивая волна;
Кругомъ меня и миръ и тишина:
Но мира нѣтъ въ душѣ моей мятежной.

Исполненъ дерзости, исполненъ силъ,
Когда-то призракъ счастья я ловилъ,
Но скрылся средь ненастья призракъ дивный.
Все испыталъ я, все я разлюбилъ:
И скорбь и радость мнѣ равно противны.
Пусть ищутъ! счастія искать не мнѣ
Въ унылой, вялой, мертвой тишинѣ.
Я все вкусилъ: и блескъ златой лазури
И брань стихій, и брань сердечной бури,
Восторгъ и ярость, ревность и любовь:
Вкусилъ, забылъ,—не пожелаю вновь.
Я въ битвѣ зрѣлъ дымящуюся кровь,
Близь моего чела жужжали пули;
По битвѣ съ пламенныхъ, роскошныхъ устъ
Я поцѣлуи пилъ: и что жъ, скажу ли?
Меня война и нѣга обманули!
Въ войнѣ и нѣгѣ холоденъ и пустъ,
Я видѣлъ смерть безъ страха, безъ участья,
Я поднимался съ ложа сладострастья
Съ усталой, пресыщенною душой
И снова рвался въ ужасъ боевой!
Что можетъ быть еще мнѣ въ свѣтѣ ново?
Все, все, что сладостно, все, что сурово,
Знакомо, старо для меня; не я ль
Исчерпалъ все: и самую печаль
И самое раскаянье? Сначала,
Такъ,—кровью обливался я, стеня,
Но алчный коршунъ совѣсть занимала,
Живили угрызенія меня . . . .
Теперь—уже ль послѣдовать совѣту,
Который съ часъ назадъ я далъ Поэту
Жеманскому?—Такъ, вижу, средства нѣтъ:
И рано ль, поздно ли, а пистолетъ,
Или вода, или кинжалъ надежный
Конецъ всему, конецъ мой неизбѣжный.
Что медлить? но за чѣмъ же и спѣшить?
Нѣтъ, не въ минуту прихоти, не въ скукѣ

Я разорву безцвѣтной жизни нить.
Я хладно приготовлюся къ разлукѣ
Съ унылою гостиницей земной;
Я выйду равнодушный постоялецъ,
Не скроюсь изъ нея, платильщикъ злой.
Но что жъ? въ путь готовлюсь роковой,
А перстень сей? зачѣмъ хранитъ мой палецъ
Сей талисманъ чудесный и смѣшной?
Какъ сердце человѣка своенравно?
Ужель?—клянусь, и ново и забавно:
Тому, чѣмъ могъ бы быть блаженнымъ я,
Не вѣритъ мертвая душа моя;
И между тѣмъ, какъ разбирать я стану,
Здѣсь въ глуби сердца вѣрю талисману!
Отъ шайки Бедуиновъ караванъ
Я съ горстью храбрыхъ спасъ въ глухой пустынѣ.
(Все это помню, будто вижу нынѣ)
Дервишемъ, на смерть раненнымъ, мнѣ данъ,
Имъ данъ мнѣ этотъ дивный талисманъ;
И онъ сказалъ мнѣ: „вотъ кольцо простое;
„Ты жъ, сынъ мой, пренебречь имъ не дерзни;
„Кольцо на пальцѣ трижды поверни
„И покоришь себѣ начало злое."
Старикъ вдругъ умеръ; но въ его очахъ
Изображались злоба, смѣхъ и страхъ.
Вотъ шепчетъ мнѣ какой-то демонъ, чтобы
Я испыталъ могущество кольца;
Въ прошедшій вѣкъ, въ вѣкъ моего отца
Такое дерзновенье навлекло бы,
Что хуже казни, хохотъ на меня;
Но измѣнился свѣтъ: день ото дня,
Воскресшія, старинныя приданья
Пріемлютъ большую надъ нами власть;
О люди! люди! странныя созданья!
Къ чудесному во всѣхъ возникла страсть.
Давно ль? кричали: „адъ и небо бредни!"
Не вѣрили ни въ Бога, ни въ чертей;

Все просвѣщалось; самыя передни—
Теперь—взгляните на своихъ дѣтей,
Ученики, поклонники Вольтера!
Конечно суевѣріе—не вѣра:
Но гдѣ же, гдѣ хваленный вашъ успѣхъ?
Что ваша мудрость? и подумать,—смѣхъ!
На чемъ же я остановлясь? и вѣря
И вмѣстѣ и не вѣря, что начну?
Что будетъ,—будетъ!—перстень поверну,
Пусть ошибусь,—не велика потеря!
Разъ, два, три—вздоръ!—Пора домой: съ Невы
Поднялся вѣтеръ . . . Кто же тамъ на встрѣчу
Ко мнѣ идетъ?—Остановлюсь, замѣчу.

Кикимора (въ видѣ маленькаго старика въ сѣромъ фракѣ, въ Альмавивѣ, въ большой, бѣлой Квакерской шляпѣ.)

Вы звали, кажется . . .

Ижорскій.

Ошиблись вы;
Я звать не думалъ.

Кикимора.

Право? вотъ забавно!
Да кто же здѣсь глубоко такъ и плавно
О вашемъ просвещеньѣ разсуждалъ,
О предразсудкахъ, суевѣрьѣ, вѣрѣ,
О людяхъ, вѣкѣ, мірѣ, Вольтерѣ
И наконецъ вертѣть колечко сталъ?

Ижорскій.

И такъ . . . . но не того я ожидалъ!

Кикимора.

Бѣда! и насъ встрѣчаютъ ужъ по платью!
Неужто мнѣ явиться было съ ратью
Чудовищъ разныхъ? вѣкъ вѣдь не таковъ!
И къ намъ безжалостливъ онъ и суровъ:

Мы изъ Баллады въ прозу перебрались.
Не гордъ, не пышенъ нынѣ нашъ нарядъ:
Намъ вмѣсто прежняго всего остались
Фракъ сѣрый, красный плащъ, да чудный взглядъ.
Но позабудь на часъ мой видъ смиренный.
Чего желаешь? будетъ! прикажи!

Ижорскій.

Клянусь, хотя зовешься духомъ лжи,
Старикъ ты въ самомъ дѣлѣ драгоцѣнный!
И такъ послушай, милый супостатъ:
Мнѣ тридцать лѣтъ, здоровъ я и богатъ
И, говорятъ, не дуренъ я собою,
Быть можетъ, и не глупъ; но кто жъ судьбою
Во всемъ доволенъ? тяжекъ жребій мой!
И я (стыжусь! смѣятся надо мной,
Насмѣшникъ ты лукавый, старый, воленъ!)
Но общею и я болѣзнью боленъ:
Все надоѣло мнѣ; и жажду я
Какихъ-нибудь безвѣстныхъ впечатлѣній;
Всѣхъ вялыхъ скорбей, пошлыхъ наслажденій
Пугается, бѣжитъ душа моя.

Кикимора.

Да, не легко тебѣ помочь, пріятель!
Да, люди стали очень мудрены!
Бывало, деньги, женщины, чины:
И счастливы, а нынѣ, нынѣ къ стати ль?
Не смѣй и предлагать имъ вздоръ такой!
Но быть такъ: выслушай, философъ мой;
Придумалъ я новинку вотъ какую:
Доселѣ ты людей, ихъ мысли, свѣтъ,
Признайся,—узнавалъ лишь изъ примѣтъ;
Скажи мнѣ, видѣть истину нагую
Вездѣ, во всякомъ случаѣ, всегда
Жалаешь ли?

Ижорскій.

Скажу, положимъ: „да;“
Твои условья?

Кикимора.

Не страшись, любезный,
Не стану требовать твоей души:
Обрятъ пустой, старинный, безполезный!
Нѣтъ! вонъ бумагу только подпиши,
Что годъ меня продержишь.

Ижорскій.

Шутишь?

Кикимора.

Только!
Что жъ? по рукамъ?

Ижорскій.

Бумага гдѣ?

Кикимора (подаетъ ее).

Изволь-ко!
(Ижорскій подписываетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе 1.

(Кабинетъ Ижорскаго; его нѣтъ дома; *Кикимора* сидитъ передъ комелькомъ въ Вольтеровскихъ креслахъ; смеркается).

Кикимора.

Какъ весело моимъ товарищамъ-духамъ!
А мнѣ какъ скучно!
Какъ тѣсно средь людей, какъ вяло и какъ душно!
Друзья, друзья! раздолье вамъ:
Вы вьетесь къ свѣтлымъ высотамъ;
Перелетаете моря и сушу,
Подслушиваете Природы душу,
Таинственный бой жилъ земныхъ,
Внизъ смотрите очами звѣздъ златыхъ,
Поете въ гласѣ бурь; средь пламени трещите—
Меня изгнанника вы, братья, помяните!
И, если близко кто порхаетъ въ вѣтеркѣ,
Или работаетъ и роетъ подземелье,
Или вкушаетъ сладкое бездѣлье,
Купаясь въ быстромъ, аломъ огонькѣ,
Вотъ въ этомъ, напримѣръ, что въ комелькѣ,
Пусть мнѣ предстанетъ! пусть веселье
Съ нимъ посѣтитъ меня угрюмой въ кельѣ?
Мнѣ грустно: я сижу, нахмуряся, какъ сычъ,
Сижу, Ижорскаго хандрою зараженный,
Вздыхаю, какъ влюбленный
И сонный монологъ читаю усыпленный . . . .
Придите же! (Саламандръ Зничъ выскакиваетъ изъ огня.)
А! здравствуй, Зничъ!

Зничъ.

Не думалъ, не гадалъ въ тебѣ найти Поэта!
Братъ, славная тобой Элегія пропѣта!
Ха! ха! ха! ха! Какъ ты, Кикимора, смѣшонъ!
Дай, осмотрю тебя со всѣхъ сторонъ:
Въ рукѣ газета,
А на носу очки,
Глубокомыслія и дѣльности примѣта!
Гдѣ прежніе твои прыжки?
Проворство гдѣ былое?

Кикимора.

Оставь меня въ покоѣ!
Я безъ того сердитъ:
По милости наушниковъ и Буки
Мнѣ умереть пришлось со скуки . . . .
(Зничъ смѣется).
Все вашу братію смѣшитъ!
Повѣрь, мнѣ не до смѣха;
Плохая тутъ потѣха,
Дни проводить съ брюзгой,
Кому все надоѣло подъ луной.
Хоть бы онъ разъ, хоть бы ошибкой
Меня порадовалъ улыбкой!
Казать ему я истину взялся,
Срывать съ людей, съ ихъ помысловъ личину;
Вотъ думалъ: угожу! Кляну свою судьбину:
Разшевелить его нельзя!
Кто бъ ни былъ, а при мнѣ свои всѣ мысли
Всѣ тайны выскажетъ; и самъ случаи расчисли,
Отъ нихъ, хотя бы кто, да хохоталъ—
Примѣръ: писатель; издаетъ журналъ:
Заглавье чудо „Безпристрастный!“
Судья стиховъ и прозы самовластный,
Онъ уши свѣту прожужжалъ
Про чистую свою любовь къ наукамъ: я же
Смѣкнулъ, что чистота его вся въ сажѣ;

Съ нимъ свелъ Ижорскаго и былъ мой Журналистъ
Рѣчистъ!
Съ глазами полными огня и чувства
Онъ сталъ—ты отгадалъ—ругать искусства;
Съ восторженнымъ размахиваніемъ рукъ
Сталъ поносить безумный бредъ наукъ
И восклицалъ: „нѣтъ! только въ деньгахъ счастье,
Къ нимъ только, къ денгамъ есть во мнѣ пристрастье;
За деньги—Пушкина я унижать готовъ!
За деньги Пиндаръ мой—Свистовъ!“
Такъ толковалъ герой бумажный,
Но сохранялъ и видъ и голосъ важный
И надрывалъ витійствомъ грудь;
Что исповѣдалъ намъ, ни мало не замѣтилъ
И только помышлялъ и мѣтилъ,
Какъ насъ надуть.

Зничъ.

Смѣялся твой Ижорскій?

Кикимора.

Онъ? ни чуть!
Зѣвалъ. Когда жъ ушелъ писатель,
Зѣвнулъ, еще зѣвнулъ и мнѣ сказалъ: „пріятель,
За истину твою и гроша я не дамъ.
Ее и прежде зналъ я самъ,
И для подобныхъ откровеній
Не нуженъ мнѣ ни злой, ни добрый Геній“.
Къ влюбленнымъ я его привелъ потомъ:
За постоянство ихъ хвалили всюду,
Дивились всѣ ихъ нѣжности, какъ чуду;
Но намъ они простѣйшимъ языкомъ
Признались, что другъ друга ненавидятъ,
Смѣшнѣе ничего любви не видятъ,
И только для того доигрываютъ роль,
Чтобы о нихъ не замолчали въ свѣтѣ.
И мы отправились оттоль
Къ ученому: его застали въ кабинетѣ
За книгами; но книги ѣла моль;

Онъ намъ сказалъ: „онѣ единственно для виду,
Въ нихъ въ годъ заглядываю разъ;
Труды и чтеніе пагуба для глазъ“.
Вотъ завернули къ Аристиду
Новѣйшихъ дней, къ судьѣ: „сердечно бы я радъ,“
Такъ говорилъ судья,—„продать неправдѣ душу,
„Но, мой почтеннѣйшій, я трушу!
„Вѣдь сто рублей и тысяча не кладъ:
„И предлагать такую малость глупо;
Большая у меня семья—
Дарить, такъ ужь дарить не скупо!“
Два франта къ намъ пришли; ихъ прозвали: *друзья*;
Что не солгали
Краснорѣчивой древности скрижали,
Что подлинно Дамонъ и Пиѳіасъ живали,
Изъ ихъ примѣра утверждали,
Друзья усѣлись—и тогда—
Ты отгадаешь ихъ признанье:
То было ихъ послѣднее свиданье;
Друзья разстались навсегда.

Зничъ.

Что жъ твой питомецъ при подобныхъ встрѣчахъ?

Кикимора.

Жалѣетъ о своихъ минувшихъ сѣчахъ,
О странствіяхъ своихъ былыхъ,
О тѣхъ пустыняхъ грозныхъ и нѣмыхъ,
Гдѣ онъ скучалъ, какъ здѣсь скучаетъ,
И сердится и увѣряетъ,
Что вѣдалъ это напередъ
Что это вовсе для него не ново:
Онъ каменный, онъ ледъ!
И если бы не данное мнѣ слово,
Меня прогналъ бы онъ давно:
Ужиться съ нимъ, страхъ, братецъ, мудрено!

Зничъ.

Кикимора, тебѣ, какъ другу,
Я окажу услугу:
Возьми, вотъ порошокъ;
Онъ мной составленъ изъ огня живого,
Котораго пылающій потокъ
Причина всякаго бытья земного;
Я жъ при содѣйствіи ночныхъ свѣтилъ
Моими чарами огонь сгустилъ.
Знай: въ порошкѣ чудеснѣйшая сила;
Знай: смертный, будь онъ хладенъ, какъ могила,
Любовью загоритъ, какъ вкуситъ отъ него;
Онъ отречется отъ него;
Ее лишь будетъ видѣть во вселенной;
За ней послѣдуетъ повсюду и всегда,
Но если влюбится она въ него—бѣда!
Любовь погаснетъ въ немъ—перунъ мгновенный,
Раздравшій ризу тьмы,
Блескъ, за которымъ мракъ мрачнѣе вдвое.
Заговорились мы;
Прощай, обнимемся!

Кикимора.

Нѣтъ, братъ, пустое!
Благодарю тебя, но ты сожжешь мой фракъ.
Вы Саламандры пламень,
Да я теперь не воздухъ и не камень.

Зничъ.

Я зябну здѣсь: прощай, чудакъ!
(Зничъ пропадаетъ въ огнѣ).

Кикимора (одинъ).

Да, славный порошокъ и преполезный!
Спасибо, Зничъ любезный!

Вамъ, Левъ Петровичъ, удружу
Не стану передъ вами лицемѣрить,
Не обману васъ, правду всю скажу;
Но вы вольны жь мнѣ вѣрить иль не вѣ-
рить. . . .
И если вамъ лжецомъ казаться буду я;
Что дѣлать? такова судьба моя!
Хотя и горько и обидно,
Не спорить же съ Судьбой, какъ видно.
Излѣчится отъ скуки, наконецъ,
Страданьями мой молодецъ
Живыми, самыми живыми—вамъ ручаюсь.
Посмотримъ, какъ ихъ поспѣшитъ обнять?
На вялость ихъ,—надеждою ласкаюсь,—
Не будетъ намъ пѣнять
(Уходитъ).

Явленіе 2.

(Домъ Князя Пронскаго; комната Лидіи: *Лидія* и *Графиня*).

Лидія (поправляясь передъ трюмо).

Еще бы не скучать! Мой Боже!
Здѣсь въ Петербургѣ все одно и то же.

Графиня.

Неблагодарная! она,—
Нѣтъ бала, нѣтъ собранья,—
Полкомъ вздыхающихъ окружена;
Для нихъ законъ ея желанья.
И смѣетъ говорить, что скучно ей!

Лидія.

Да, признаюся въ глупости моей:
Они-то именно мнѣ надоѣли,
Всѣ эти Селадоны, пустомѣли,
Любезники, питомцы нашихъ залъ.—
Какъ только вспомню балъ,

Ихъ сладость, остроты, кривлянье, вздохи, лепетъ,
Меня бросаетъ въ страхъ и трепетъ.
Сначала весело дурачить было ихъ;
Но вижу: и щелчковъ моихъ
Они не стоятъ.

Графиня.

Всѣ? безъ исключенья?
По крайней мѣрѣ, вотъ Ижорскій не похожъ—

Лидія.

Ижорскій? вашъ герой?—хорошъ!
О! нѣтъ сомнѣнья:
Онъ—не мартышка. . . . онъ—медвѣдь.

Графиня.

Однако жъ этому медвѣдю сѣть
Раскинуть ты пыталась.

Лидія.

Что жъ? вамъ я признавалась
И признаюсь. . . . вѣдь было бы смѣшно,
Когда бы небомъ было суждено
Его разнѣжить мнѣ! (Помолчавъ) Ma chère, смѣшно бы было:
Воображаю, какъ смотрѣлъ бы онъ уныло,
Какъ ревновалъ бы невпопадъ!
Гяуръ нашъ, нашъ Конрадъ
Отъ одного дрожалъ бы, таялъ взора,
Отъ взора моего!—Ручаюсь вамъ, умора!
(Хохочетъ входитъ слуга).

Слуга.

Ижорскій Левъ Петровичъ. . . .

Лидія (продолжая смѣяться).

Онъ! принять!
Его въ гостиной будемъ ожидать
(Слуга уходитъ; за нимъ Лидія и Графиня).

Явленіе 3.

(Кабинетъ Ижорскаго; *Кикимора*, потомъ *Ижорскій*).

Ижорскій.

Кикимора, гдѣ ключъ отъ фортепьяна?

Кикимора.

Не знаю: заложенъ

(Въ сторону).

Лекарство дѣйствуетъ: герой влюбленъ.

Ижорскій.

Что ты смѣешься, обезьяна?

Кикимора.

Отъ скуки сказку я прочелъ:
Мудрецъ влюбленный; пресмѣшная сказка!

Ижорскій.

И сходство ты нашелъ?

Кикимора.

Прошу покорно: вотъ привязка!
Какое сходство? съ кѣмъ? съ тобою?

Ижорскій.

Да.

Кикимора.

Влюбленъ ты? не повѣрю никогда.

Ижорскій.

Влюбленъ. . . какъ это слово мало?!
Съ ея бытьемъ мое бытье
Судебъ опредѣленіе связало;
Изъ всей вселенной я избралъ ее.
Горжусь передъ тобою,
Насмѣшникъ жалкій, злополучный духъ:
Въ тебѣ нѣтъ жизни, ты для гласа сердца глухъ;
Могущъ, безсмертенъ ты, но ты съ душой родною
Не встрѣтишься во-вѣкъ;
Я слабъ и смертенъ—пусть! но человѣкъ.

Кикимора.

Такъ, такъ! ты чоловѣкъ: въ восторгѣ этомъ глупомъ.
Въ непостоянствѣ этомъ узнаю
Природу вѣтротлѣнную твою.
Давно ли сравнивалъ себя ты съ хладнымъ трупомъ?
„Я для всего простылъ, перегорѣлъ;
„Ужъ не доступенъ я для стрѣлъ
„Страстей и рока и напасти."
И кто же? ты невольникъ страсти,
Которой,—не сердися, свѣтъ!
Изъ всѣхъ страстей смѣшнѣе нѣтъ?
Къ тому жь, передъ тобою
Скрывать нужды нѣтъ и не скрою:
Ты точно правъ былъ; безъ огня,
Безъ жизни, камню мертвому подобенъ,
Ты не былъ ужъ способенъ
И забавлять меня.
Съ такимъ кумиромъ годъ по нашему условью
Прожить—мнѣ стало тяжело:
Я, я надменности твоей на зло
Околдовалъ тебя любовью.

Ижорскій.

Ты?

Ижорскій.

Такъ я. Неужель не знаю васъ,
Смѣшные, гордые Адамовы потомки,
Васъ, родъ заносчивый, какъ вѣчный кедръ—и ломкій,
Какъ трость сухая, какъ зерна лишенный классъ?
Но вы намъ отданы во власть;
Вы наше достоянье, наша часть;
По волѣ мы играемъ вами;
Вамъ заблужденія даемъ,
То стужей васъ знобимъ, то жжемъ огнемъ
И веселимся вашими страстями.

Безумья ваши намъ насущный хлѣбъ;
А не припомню я ни разу,
Чтобы изъ васъ кто сотворилъ проказу
И не винилъ бы неба и судебъ:
Носъ расшибете?—Божіе велѣнье!
Споткнетесь?—тайна! глубина!
Не такъ ли? встрѣтилась тебѣ твоя: „*она*“,
И ты задумалъ въ то жъ мгновенье:
„Ее узналъ я; рокомъ мнѣ дана!?
„Она моя—та половина,
„Съ которою соединенъ и слитъ,
„Божественный Гермафродитъ,
„Когда-то я носился среди чина
„Безплотныхъ, дивныхъ силъ,
„Но тамъ—не знаю, какъ?—да согрѣшилъ:
„Тогда Создатель
„Меня во гнѣвѣ на два распилилъ“
И прочее, о чемъ мечтатель
Платонъ премудрую систему сочинилъ! *)
Прекрасно, слова нѣтъ; догадливъ ты и тонокъ
И разсудителенъ: а между тѣмъ бѣсенокъ,
Покорный вамъ слуга, надъ вами подшутилъ!

Ижорскій.

Досадно и тѣмъ болѣе досадно,
Что, кажется, ты правъ!
Не быть такъ: отъ твоей мнѣ шутки не накладно;
Отъ чаръ ли я какихъ, волшебства или травъ
Влюбленъ,—но все влюбленъ, и радуюсь любови:

---

*) Мнѣніе о первобытно-двуполой природѣ человѣка обыкновенно считаютъ настоящимъ Платоновымъ; между тѣмъ въ Симпозіонѣ, *(въ разговорѣ о различныхъ родахъ любви за столомъ у Поэта Агапина)*, въ которомъ Греческій Шеллингъ предлагаетъ оное, не *Сократъ*, коему обыкновенно Платонъ влагаетъ въ уста то, что самъ признаетъ за истину, а насмѣшникъ Аристофанъ выставленъ защитникомъ этой системы; изъ чего, по крайней мѣрѣ для меня,—что тутъ ничто иное, какъ шутка. И такъ Г. Кикимора напрасно клеплетъ на покойника Платона.

Ты съ нею токъ роскошный, новой крови
Мнѣ пролилъ въ жилы; сердце расцвѣло,
Все вкругъ меня вновь ясно и свѣтло:
Во взорахъ Лидіи взаимность я читаю,
Въ порывахъ сладостныхъ и бурныхъ утопаю.

Кикимора.

И все, что слѣдуетъ, какъ то извѣстно намъ
Давно изъ приторныхъ элегій, изъ посланій,
Исполненныхъ восторговъ и страданій!
Да съ позволенья вашего я вамъ
Со всею скромностью вопросъ задамъ:
Что, если ангелъ вашъ лукавитъ, лицемѣритъ?
Что, если—пусть и не при всѣхъ,—
Но тайно подымаетъ васъ на смѣхъ?
Вашъ ангелъ-женщина, а женщинѣ повѣритъ
Ребенокъ развѣ—вдругъ. . . . .
Задумался?. . . меня къ ней не свезешь ли, другъ?
(Ижорскій беретъ шляпу и выходитъ, Кикимора за спиной его кривляется съ злою улыбкою, а потомъ выбѣгаетъ въ слѣдъ).

Явленіе 4.

(Садъ на дачѣ у Князя Пронскаго, *Князь, Лидія, Графиня,* прогуливаясь;—*Ижорскій* и *Кикимора,* спрятанные за деревомъ).

Графиня.

Послушайте, mon oncle, что Лиди говоритъ!
Неужели мой фаворитъ
Ижорскій держитъ шута?
Онъ? путешественникъ, философъ, филантропъ?

Князь.

Охъ вы, разумницы! ну держитъ шута!
Что жь тутъ худаго? Іорикъ и Эзопъ
Что были? вѣдь шуты жъ! и на меня минута

Находитъ иногда, въ которую, когда бъ
Я не былъ вашихъ предразсудковъ рабъ.
Меня бы утѣшалъ дуракъ забавный
Гораздо болѣе всѣхъ вашихъ мудрецовъ.
Люблю Москву я, городъ православный:
Вотъ тамъ живутъ по правиламъ отцовъ:
Хоть наряжаются и тамъ подъ часъ въ шумиху,
А золоту все честь и славу отдаютъ:
Въ Москвѣ у Князя Алексѣя шутъ,
Купила Марья Дмитревна шутиху. . .

Лидія.

Papa! возможно ли? Москва. . . .

Князь.

Не Петербургъ?—Слова, однѣ слова!
Ижорскій страненъ: мы согласны;
Да человѣкъ богатый онъ, прекрасный,
Родня большая, множество связей,
Проигрываетъ куши,
Сказать, какія? при иномъ не смѣй:
За то семь тысячь душъ! за эти души
Прощу мильонъ да не такихъ затѣй!
Ижорскому изъ первыхъ я друзей:
И васъ, mesdames, прошу, какъ можно,
Съ нимъ обходитесь осторожно.

Лидія.

Его просили вы?
Онъ дурака хотѣлъ привезть сюда на дачу. . . .

Князь.

Просилъ.

Лидія.

Съ досады чуть не плачу:
C'est ridicule! побойтеся молвы. . . .

Князь.

„C'est ridicule"—вотъ ненавижу слово:
Оно у васъ про все и для всего готово.

Но больше не хочу вамъ потакать:
Моихъ плохихъ и жалкихъ обстоятельствъ
Не утаю отъ вашихъ я Сіятельствъ;
А чѣмъ могу ихъ поддержать?
Въ Ижорскомъ Богъ послалъ мнѣ благодать:
Онъ не игрокъ, не любитъ онъ играть,
Играетъ такъ со скуки;
А между тѣмъ Господь не даромъ далъ мнѣ руки.
Конечно, этотъ способъ сопряженъ
Съ большею трудностью: другой я, лучшій знаю:
Тебѣ, ma chére Lydie, его не предлагаю;
Однако же въ тебя Философъ нашъ влюбленъ. . .
(Лидія плачетъ).
Mon âme, сантиментальность ненавижу:
Не плачь! я для тебя бѣды большой не вижу,
Хотя бы замужъ выдти за него
Но впрочемъ и не требую того.
Неужто не поймешь? У васъ плутовокъ
Тьма хитростей, увертокъ и уловокъ;
Не мнѣ тебя учить: найдешь сама
Довольно средствъ, какъ свесть его съ ума.
Мнѣ денегъ, денегъ! бьюсь не изъ большаго:
Будь деньги, сыщемъ жениха любаго.
Принарядитесь для побѣдъ:
Къ намъ Левъ Петровичъ будетъ на обѣдъ. . .
Какъ васъ приму я, Левъ Петровичъ!
(Дѣлая рукой движеніе, будто знакомитъ гостей между собою).
Рекомендую: наши все! друзья!
Графъ Фаро,—Князь Тузовъ,—Лордъ Гамстеръ,—Панъ
Стассовичъ:
Ихъ полюбить прошу покорно я!
(Помолчавъ).
Да! приказать въ уху прилить араку:
Одно Шампанское безъ крѣпости, безъ смаку!
Внухъ разорился я: увы! уха и дочь,
Не откажитесь вы сегодня мнѣ помочь!
(Уходитъ).

Графиня.

Какія правила! какія наставленья!
И будетъ въ пользу вамъ? но въ этомъ нѣтъ сомнѣнья:
Вы своего отца достойное дитя;
Плѣнять, обворожать, заманивать, шутя.
Умѣете. . . .

Лидія.

Оставьте оскорбленья,
Графиня! низостей чужда душа моя!
Ижорскаго я не любила,
Но гордость, признаюсь, мнѣ голову вскружила,
И очень виновата я—
И вотъ наказана! . . . Однако, мнѣ повѣрьте,
Различіе найдется между насъ:
Тщеславье ослѣпить могло меня на часъ,
А все на свой аршинъ меня не мѣрьте.
(Уходитъ).

Графиня.

Благодарю покорно! но я вамъ
Себя,—въ свою мнѣ очередь повѣрьте,—
Безъ наказанья унижать не дамъ!—
(Уходитъ; выходятъ Ижорскій и Кикимора, который въ продолженіе предыдущаго разговора нѣсколько разъ высовывался и тѣлодвиженіями сопровождалъ слова играющихъ, особенно Князя).

Кикимора.

Кто правъ? я или ты? ты слышалъ самъ:
„Ижорскаго я не любила,
„Мнѣ только гордость голову вскружила.“
Вотъ видишь ли, любезный мой Адамъ:
Твоя небесная, божественная дѣва,—
Хотя признаться въ томъ и непріятно мнѣ,—
Такая жь Эвва,
Какъ всѣ онѣ!—

Ижорскій.

Вотъ, вотъ гдѣ — въ сердцѣ смерть! Ты побѣдилъ,
лукавый!
Такъ, смѣйся, торжествуй! Растерзанный, кровавый,
Для человѣчества безчувственъ, слѣпъ и глухъ,
Я твой отнынѣ, адскій духъ!
Людей я презиралъ, отнынѣ ненавижу.
Она—нѣтъ! нѣтъ!—ее я болѣ не увижу.
Любовь, ко мнѣ любовь мнѣ въ ней являло все:
Въ движеніяхъ, въ очахъ любви святая сила,
Со мной душа ея, казалось, говорила. . . .
И не любила!
Я былъ игрушкой для нее:
Она меня съ Вздыхалкинымъ сравнила,
Съ Жеманскимъ, съ тварями! а я ей бытіе,
Дыханье каждое ей посвящалъ я! больно!
(Кикимора смѣется).
Хохочешь, врагъ? довольно!
Всему есть мѣра, мѣра есть всему,
Терпѣнью даже моему:
Ты вспомни, власть дана мнѣ надъ тобою, предатель:
Ужаснымъ быть могу. . . . .

Кикикора.

Не для меня, пріятель;
Мой годъ неволи кончился вчера;
Изъ милости одной, изъ сожалѣнья
Съ тобою пробылъ лишній день я;
Разстаться намъ пора!

* * *

Такъ, пора—и я покину
Вашъ несносный, блѣдный свѣтъ,
Вашу душную долину,
Гдѣ наводитъ все кручину,
Гдѣ ни тьмы, ни блеску нѣтъ.

Прилечу—и будетъ праздникъ
Между нашихъ шалуновъ:
„Возвратился нашъ проказникъ!“
Такъ воскликнетъ полкъ духовъ.
Здѣсь я дряхлый старикашка,
Тамъ же свѣжъ и вѣчно юнъ,
Веселъ, легокъ, будто пташка,
Скоръ, какъ яростный перунъ.
Стрекоза, мой конь ретивый,
Вѣрный конь,—зову! сюда!
Унеси меня туда,
Въ край свободный и счастливый,
Въ край лучей и грозъ и бурь,
Въ безпредѣльную лазурь!

(Кикимора исчезаетъ; Ижорскій закрываетъ лице руками, и поспѣшно уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

— -

Явленіе 1.

(**Брянскій лѣсъ. Русалки качаются на деревьяхъ; *Кикимора*; потомъ *Ижорскій*.)**

Хоръ Русалокъ.

Смотрять внизъ густыя тучи
Чей-то голосъ въ տмракѣ бродитъ:—
Лѣшій путниковъ заводитъ:
Дикъ и страшенъ боръ дремучій.

* *
*

Здѣсь и днемъ глухая ночь;
Не былъ слышенъ здѣсь отъ вѣка
Стукъ сѣкиры дровосѣка:
Звѣрь бѣжитъ отселѣ прочь:
Здѣсь объемлетъ человѣка
Дрожь, нѣмаго мрака дочь.

* *
*

Здѣсь ничей насъ не тревожитъ
Любопытный, дерзкій взоръ:
Къ намъ проникнуть въ черный боръ
Только оборотень можетъ.

Одна Русалка.

На что я вижу? Ловчій дерзновенный
Сюда зашелъ! и не содрогся онъ,
Когда сѣдаго Пана тяжкій стонъ,
Стоустнымъ, дикимъ гуломъ повторенный,

Возсталъ предъ нимъ при входѣ въ нашъ предѣлъ!
Отъ страха онъ не палъ? не помертвѣлъ?

Другая.

Когда предъ нимъ сгустилися туманы,
Когда изъ нихъ призраки—великаны
Подъялися, нашъ полкъ сторожевой,
Стояли, возвышались надъ древами
И длинными махали рукавами;
Ужель тогда при входѣ въ нашъ предѣлъ
Отъ страха онъ не палъ? не помертвѣлъ?

Хоръ.

Ужели онъ при входѣ въ нашъ предѣлъ
Отъ ужаса не палъ? не помертвѣлъ?

Кикимора.

Бросьте же вздоръ романтическій,
Гнѣвъ прекратите лирическій:
Но удивляюсь и самъ я:
На чулака погляжу
Можетъ, узнаю: и вамъ я,
Кто этотъ ловчій,—скажу.

1 Русалка.

Скажи, скажи, любезный братецъ!
Между людьми вѣдь ты живалъ:
Быть можетъ, гдѣ его встрѣчалъ.
Смотри, какой нахалъ,
Какой наглецъ и святотатецъ!

Всѣ.

Какой наглецъ и святотатецъ!
Какой нахалъ!
Между людьми вѣдь ты живалъ;
Кто онъ? скажи, любезный братецъ!

Кикимора (смотритъ съ дерева.)

Ижорскій, ты ли? старый другъ,
Какъ измѣнился ты! Какъ исхудалъ ты вдругъ!

Какъ блѣденъ! дикъ твой шагъ то медленный, то шибкой,
Уста искажены язвительной улыбкой,
Въ лицѣ, въ движеньяхъ тягостный недугъ.
Бѣдняжка!—нѣтъ, теперь живыхъ тѣхъ ощущеній
Не думаешь искать, которыхъ ты искалъ;
Отравою напитанный кинжалъ
Въ груди твоей, кинжалъ безумья и мученій;
Въ твоей бунтующей крови
Весь пламень яростной, неистовой любви,
Весь пламень ревности—и нѣтъ тебѣ надежды!
Вы, люди, жалкіе невѣжды,
Почто зовете насъ духами зла и тьмы?
Союза вашего не ищемъ мы.
Надъ человѣчествомъ не возноситесь сами;
А намъ,—къ чему намъ связываться съ вами?
Вотъ презрѣлъ данное ему судьбой,
Желалъ того, что смертному не въ силу—
И сокрушился подо мной
И клонится въ разверстую могилу!
Но вѣдайте, друзья,
Его сгубилъ не я;
Его сгубила собственная гордость:
Орломъ не будетъ муравей во вѣкъ,
И грязи не дана алмаза твердость;
Быть демономъ не думай человѣкъ.

Хоръ Русалокъ.

Его сгубила и проч.

Кикимора.

Молчите, пустомели!
Вы мнѣ рефренами своими надоѣли;
Вы хуже Русскихъ риѳмачей,
Которые не разъ меня бѣсили;
Ввѣкъ то твердятъ, что имъ друзья ихъ натвердили,
А ради присягнуть: „не крадемъ у друзей!"
Стихи ихъ рвотное для страждающихъ ушей.

Да мы оставимъ ихъ и съ высоты древесной
Послушаемъ знакомца моего:
Ручаюсь, будетъ монологъ чудесной:
Вѣдь звали жь въ свѣтѣ умникомъ его

Кикимора.

Послушаемъ послушаемъ его!

Ижорскій (облокотясь объ ружье).

1.

Съ ружьемъ блуждаю одинокій,
Взведенъ убійственный курокъ:
Неутомимый я стрѣлокъ,
Ловецъ суровый и жестокій.

2.

Слѣжу медвѣдей и волковъ:
Меня жъ слѣдитъ, не отдыхая,
Всегда, повсюду боль живая
И гонитъ въ тьму изъ тьмы лѣсовъ.

3.

Какъ трупъ, ожившій средь могилы,
Такъ, содрогаясь, ожилъ я
Для чувства муки бытія;
Я рвусь—нѣтъ, нѣтъ спастися силы!

4.

Увы! испилъ я лютый ядъ,
Отраву страсти безнадежной:
Ношу въ груди моей мятежной
Всѣ муки ревности, весь адъ. . . .

5.

Люблю и вмѣстѣ презираю;
Кляну себя, но все люблю:
Кто выразитъ, что я терплю?
Кто выскажетъ, какъ я страдаю?

6.

Огнемъ свирѣпымъ стала кровь;
Какъ на горѣ ужасной, хладной
Терзалъ Титана коршунъ жадной,
Такъ я растерзанъ, о любовь!

(Помолчавъ).

Въ нѣмую глушь, страдалецъ, убѣгаю
Отъ рода омерзѣвшихъ мнѣ людей;
Такъ! люди хуже дикихъ тѣхъ звѣрей,
Которыхъ здѣсь напрасно поражаю.
Бѣгу—по всюду гибельный призракъ
Въ прозрачной тьмѣ мелькаетъ предо мною:
Онъ, гладный, кормится моей душою;
Вотще скрываюсь въ неприступный мракъ;
Вездѣ, всегда Сирены образъ вижу,
Которую люблю и ненавижу;
Ея лице являетъ мнѣ луна,
Ее встрѣчаю я во всей вселенной,
Все для души моей обвороженной—
Заря и солнце, день и ночь—она.
Она—въ зефирѣ каждомъ дышитъ,
Со мною шепчетъ въ шелестѣ листовъ:
Падетъ ли что?—то шумъ ея шаговъ:
Мой слухъ ее въ ручьѣ и вѣтрѣ слышитъ.
Когда жъ заблещетъ ранняя роса,
Тогда ея густые волоса
Я обоняю въ муравѣ душистой,
Тогда въ росинкѣ каждой серебристой
Навстрѣчу мнѣ горятъ ея глаза.
Она—о страхъ! о радость и мученье!
Теперь же, въ это самое мгновенье,
Сквозь слезы улыбаясь и стеня,
Вотъ съ каждой вѣтки смотритъ на меня!

(Убѣгаетъ).

Кикимора.

Онъ бредитъ не путемъ, сестрицы!
Вѣдь сумасшествіе его печаль:
Признаться вамъ—его мнѣ жаль. . .
Какъ? жаль! а скажутъ что чтецы и чтицы

И критики, когда прочтутъ,
Что пожалѣлъ о немъ я?—кстати ль!
Кто? я? Кикимора, бѣсенокъ, шутъ и плутъ,
Мефистофеля подражатель?
Къ несчастью данъ характеръ бѣса мнѣ;
И вотъ воскликнетъ хоръ ихъ стоязычный:
„Характеръ злой, чертямъ приличный,
„Чертенокъ долженъ выдержать вполнѣ".
Что дѣлать, другъ? вотъ, видишь ли? не смѣю!
Жалѣть хотѣлось бы мнѣ о тебѣ;
Но не угодно то Журналамъ и судьбѣ:
И такъ, любезный, не жалѣю.
И въ самомъ дѣлѣ поваръ былъ бы глупъ,
Который, самъ свернувъ цыпленку шею,
Надъ нимъ бы плакать сталъ? нѣтъ, братъ-цыпленокъ, въ супъ!
А человѣкъ, игралище волненій,
Когда его покинетъ жизни геній,
Въ могилу, смрадный трупъ!
Пока жъ еще въ немъ сердце бьется,
Пока еще страдаетъ и мятется,
Потѣшимся игрой его страстей;
А дабы кое что прибавить къ нашимъ знаньямъ
Его подвернемъ разнымъ испытаньямъ;
Насъ извиняетъ же примѣръ самихъ людей:
Для расширенія границъ науки
Они жъ вѣдь рѣжутъ на куски червей
Вѣдь потрошатъ живыхъ пернатыхъ и звѣрей:
Такъ точно наши опыты и штуки
Обогащаютъ Физику чертей.
(Бука вдругъ выходитъ изъ-за пня).

Русалки.

Сестрицы, Бука! ай! (Прячутся).

Бука.

Да, Бука! я васъ, шлюхи!
Нѣтъ, вѣрно, розогъ у Яги-Старухи:

На всѣхъ мамзели еляхъ и дубахъ
Качаются; не держитъ ихъ въ рукахъ!
Что, краснобай! пустился въ разсужденья?
А Буки не ждалъ? Есть хвалиться чѣмъ?
Да ты, я вижу, поглупѣлъ совсѣмъ;
Забылъ уроки всѣ, всѣ наставленья,
Которыя тамъ, въ школѣ чертенятъ,
По книжицѣ ученѣйшаго бѣса,
Профессора денницы, вамъ твердятъ.
Такъ мало же я сѣкъ тебя, повѣса!
Ижорскаго съ ума свелъ—удружилъ!
Я развѣ этому тебя училъ?
Не скорби, не болѣзни, не страданья,
Нѣтъ, сударь, преступленья, злодѣянья
Крѣпятъ въ подлунномъ мірѣ власть чертей.
Одно у насъ осталося орудье,
Которымъ вызываемъ правосудье
На племя ненавистныхъ намъ людей—
Грѣхъ! и грѣхомъ, какъ сѣтью или мрежей,
Мы тащимъ въ адъ Адамовыхъ дѣтей.
А ты. . . . . .

(Кикимора хочетъ что-то сказать).

Еще оправдываться смѣй!
Молчать! ты совершеннымъ сталъ невѣжей!
Безъ помощи другихъ духовъ, смотри,
Что самъ испортилъ, самъ изволь поправить;
Твоей хочу я спеси поубавить:
Чтобы до ранней, утренней зари
Въ немъ сумасшествья не было и слѣда!
Не то—отъ насъ подалѣ удери:
Надѣюсь, знаешь Буку людоѣда!

(Уходитъ).

Русалки (выглядывая).

Кикимора, ау!

Кикимора.

Чего хотите? ну!

1 Русалка.

Кикимора, ушелъ ли Бука?

Кикимора.

Ушелъ.

2 Русалка.

Какъ страшенъ онъ! отъ одного ужъ звука
Такого голоса мы все еще дрожимъ.

3 Русалка.

Про что, голубчикъ, говорилъ ты съ нимъ?

Кикимора.

Не я съ нимъ говорилъ, онъ говорилъ со мною,
И раскусить мнѣ далъ такой орѣхъ,
Который. . . Но мнѣ спѣхъ:
Прощайте вы: пущусь падучею звѣздою,
Слечу къ Вавилѣ колдуну;
На перекресткѣ онъ, какъ полночь, такъ ворожитъ.
Я старика на разумъ натолку;
Надежда на него; Вавила мнѣ поможетъ!
(Улетаетъ).

Явленіе 2.

(Изба крестьянина Богдана: Богданъ съ женой и съ дѣтьми за ужиномъ).

Богданъ.

Къ обѣду каша, къ ужину грибы:
Еще мы Богомъ не были забыты.
Что дѣти? сыты ли?

Дѣти.

Спасибо, тятя! сыты.

Богданъ.

Такъ встаньте же, перекрестите лбы,
Ложитесь спать вы—нутка!
Да накормила ты телятъ, Мареутка?

Дочь.

А какъ же.

Богданъ.

То-то же! ну, конченъ день теперь.
Куда ты, Ѳомка?

Сынъ.

Зачиню я дверь.

Вавила (входя).

Не зачиняй, впусти, Ѳома Богданочь!

Богданъ.

Сосѣдъ Вавила! ты зачѣмъ забрелъ?

Вавила.

Въ извозѣ былъ я, воротился на ночь;
Огня ужъ въ хатѣ не нашелъ;
Придется завтра потазать Марину:
Такъ одолжи же, засвѣчу лучину.

Дѣти.

Колдунъ Вавила! у!

Богданъ.

Огня
И не проси ты у меня:
Ты на страстной у Москоленка
Вотъ также бралъ огня,
А къ вешнему Николѣ ни коня
Не стало у него, ни свинки, ни теленка.

Вавила.

Не дашь огня?

Богданъ.

Не дамъ.

Вавила.

Такъ помни жъ: я Вавила!
Сынокъ твой, дочка, смерть какъ хороши!
Меня не любишь—пусть! люблю ихъ безъ души.
(Уходитъ).

Богданиха.

Охъ! крестная да будетъ съ вами сила!
Онъ похвалилъ ихъ! дунь, да плюнь! бѣда!
Зачѣмъ его впустили мы, сюда?

Явленіе 3.

(Полночь; перекрестокъ; Вавила ворожитъ).

Вавила (кланяяся на всѣ четыре стороны).

На востокъ разъ, разъ на западъ,
Разъ на сѣверъ, разъ на югъ
Обернуся, поклонюся:
Сватъ востокъ мнѣ, сѣверъ другъ,
Западъ! я тебя держался,
Югъ! съ тобой я побратался.

* *
*

Духи ночи, духи смерти!
Духи ада, духи зла,
Былъ отецъ слугой вамъ, черти!
Вѣдьмой мать моя была;
Сынъ отрекся отъ крещенья:
Я ихъ сынъ—вамъ рабъ съ рожденья!

* *
*

Проклялъ я отца родного,
Проклялъ я родную мать,
Проклялъ, что ни есть святаго,
Бросилъ крестъ и благодать.
Вашъ я, вашъ; мнѣ помогите,
Родъ Богдана истребите!

(Падаетъ звѣзда; ударъ грома; передъ Вавилой стоитъ Кикимора).

Кикимора.

Что, красноглазый, ты развылся такъ?
Вытьемъ пугаешь полуночный мракъ.
Чего желаешь?

Вавила.

Много чести,
Кикимора!—скажу безъ лести:
Не стою, право, я того,
Чтобъ умникъ ты, любезникъ и повѣса
Послушалъ зова моего;
Довольно было бы и худенькаго бѣса
Изъ мелкихъ, изъ хромыхъ мнѣ старику;
Мужикъ простой я, безъ затѣй, безъ чванства,
Дворянчикъ ты изъ адскаго дворянства:
Мнѣ ль знаться съ господами, мужику?

Кикимора.

Смиренничай! ты плутъ, Вавила, плутъ извѣстный:
Да вѣдь меня не проведешь:
Другихъ бѣсовъ не призовешь;
Всѣ заняты. . . Мнѣ вѣдомъ подвигъ честный,
Который хочешь совершить:
Людской же жизни нить
(Такъ неподвижными положено Судьбами)
Расторгнуть можемъ мы людскими лишь руками.
Пріятель, отвѣчай: желаешь ли подъ кнутъ?
(Самъ видишь, я тебѣ не разставляю сѣти!)
Тогда сегодня же Богдана дѣти
Подъ топоромъ твоимъ—не иначе!—умрутъ.

Вавила.

Кнутъ? нѣтъ! не хочется подъ кнутъ. Ну корчу
Нашли на нихъ!

Кикимора.

Я ихъ испорчу:
Но долгъ, самъ знаешь, красенъ платежомъ:
Въ волка тебя на часикъ обернемъ.

Вавила.

Прошу покорнѣйше! Какія предложенья!
Какія выдумки у этихъ чертенятъ!
А что, когда меня собаки заѣдятъ?

Кикимора.

Что? заѣдятъ тебя зубами безъ сомнѣнья,
Да нѣтъ: не трусь! тебя я сберегу:
И ноги подкошу собакамъ на бѣгу,
И проведу всѣ пули мимо;
А быть волкомъ тебѣ необходимо
И даже прибыльно—вотъ видишь, почему:
Ты службу барину сослужишь своему.

Вавила.

Ижорскому?

Кикимора.

Ему.

Вавила.

А какъ?

Кикимора.

Да слушай!
Какъ будешь ты волкомъ, овецъ не кушай.
Въ сосѣдній дворъ
Не лазь черезъ заборъ:
Нѣтъ! тотчасъ отправляйся въ боръ.
Въ бору Ижорскій, словно Каинъ, бродитъ,
Вздыхаетъ, рвется, мелетъ вздоръ,
Тоску, зѣвоту, сонъ на лѣшихъ всѣхъ наводитъ;
Съ нимъ встрѣтишься—вступи съ нимъ въ разговоръ,
(Каковъ онъ, отъ него скорѣе волку
Добиться толку,
Чѣмъ людямъ: онъ бѣжитъ людей
И всякій человѣкъ въ его глазахъ—злодѣй)

Скажи ему: „влюбленъ ты, примѣчаю,
„А какъ помочь тебѣ, повѣрь мнѣ, знаю!“
Онъ назоветъ—тебѣ вотъ слово я даю—
Красавицу свою;
Какъ будешь имя знать, извѣстнымъ наговоромъ
Взволнуй дѣвченки гордой кровь;
Надежда на ея любовь
Излечитъ чудака: онъ деньгами, какъ соромъ,
Тебя осыплетъ; славно будешь жить,
Надъ старостой смѣяться и десятскимъ,
И сладко ѣсть и сладко пить,
Всѣхъ въ зависть приведешь кафтаномъ хватскимъ.
И . . . . .

Вавила.

Быть такъ: по рукамъ! смотри же, не солги!

Кикимора (кладя руку на голову Вавилѣ).

Будь волкомъ волкъ! душой ты волкъ: къ волкамъ
бѣги!
(Вавила оборачивается въ волка и бѣжитъ въ лѣсъ.
Исчезнуть? нѣтъ! еще мнѣ слово
Почтенной Публикѣ желается сказать.
На эту сцену вотъ какъ станутъ возражать:
Сосѣдъ сосѣду скажетъ: „безтолково!
„Къ чему Кикиморѣ къ Вавилѣ прибѣгать?
„Какъ будто онъ не духъ? Онъ долженъ быть сильнѣе,
„Умнѣе, чѣмъ колдунъ.
Такъ точно! но Ижорскимъ вѣдь по шеѣ
Былъ прогнанъ бы шалунъ,
Когда бы гдѣ съ нимъ встрѣтился. Къ тому же
Гораздо быть могло бъ еще и хуже:
Ижорскаго кольцо забыли вы?
Онъ имъ любого духа свяжетъ:
Что ежели еще служить себѣ прикажетъ?
Нѣтъ! лучше жить въ дуплѣ кумы моей, совы!

Тогда—(ну, знаете! въ концѣ втораго акта)
Онъ память потерялъ съ сердцовъ:
А то бы безъ условья, безъ контракта,
Не радъ, да будь готовъ,
Покоренъ будь во всемъ его капризной волѣ,
Доколѣ
Онъ самъ тебя не сгонитъ за порогъ.
И такъ, да будетъ приговоръ вашъ строгъ,
Но разсудителенъ! Вниманья
Причины удостойте, коимъ я
Никакъ не могъ противиться, друзья!
Теперь исчезнуть можно: до свиданья!
(Исчезаетъ).

Явленіе 4.

(Ночь; лѣсъ; Кикимора сидитъ на деревѣ; Ижорскій слѣдитъ волка; стрѣляетъ; пуля мимо).

Волкъ.

Напрасный трудъ! твои всѣ пули,
Меня не тронувъ, мимо прожужжатъ.

Ижорскій.

Ты шутишь или въ самомъ дѣлѣ, братъ?
Вѣдь, кажется, тѣ времена минули,
Когда медвѣдь, баранъ, лисица, волкъ и котъ
Съ людьми вступали въ разсужденья
И размышлялъ о просвѣщеньѣ кротъ
И дубу трость читала поученья.
Ты волкъ, а говоришь, какъ человѣкъ!
А впрочемъ не дивлюсь: въ нашъ вѣкъ
Волками люди стали;
Такъ отъ чего жъ не быть людьми волкамъ?

Волкъ.

Мудрецъ, примѣръ ты мудрецамъ!
Не знаю я, съ досады ли, съ печали,
А судишь здраво и умно:
Я то же думалъ ужъ давно.
Былъ человѣкомъ я, да вотъ: кривые толки,
Притворство, лицемѣрство, ложь
Меня взбѣсили наконецъ—и что жъ?
Людей я бросилъ и—завербовался въ волки.

Ижорскій.

Ты человѣкъ? . . .

Волкъ.

Былъ. Но изъ любви одной
Ко благу ближнихъ, къ истинѣ святой
Сталъ волкомъ.

Ижорскій.

Это какъ?

Волкъ.

Объ этомъ послѣ. Ты же,
Какъ разсмотрю тебя поближе,
Сдается мнѣ, Ижорскій.

Ижорскій.

Такъ.
Да ты кто? говори, чудакъ!

Волкъ.

Узнай-ко!
Съ тобой я былъ знакомъ.

Ижорскій.

Подумать должно . . . . Прокуроръ Хватайко?
Вѣдь онъ и прозванъ былъ волкомъ.

Нѣтъ!—ну, Воровъ, Квартальный Надзиратель!
Что жъ и не онъ? А! вотъ я отгадалъ:
Фирюлинъ, Вѣстника Луны издатель!
Не онъ ли всякаго, кому Создатель
Хоть нѣсколько ума и дарованій далъ,
Лишь въ силу, лишь бы могъ, схватилъ бы и сожралъ?
Не онъ? не ужто? пустяки, пріятель!
Признайся, ты Фирюлинъ!

Волкъ.

Да, попалъ!
Кто я? не скоро, вижу, отгадаешь:
Перемѣнился я; и ты не то, что былъ;
Бывало, ты хохочешь—вотъ вздыхаешь;
Ты цвѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ—вотъ блѣденъ и уныль.
Влюбленъ ты, примѣчаю;
А какъ помочь тебѣ, повѣрь мнѣ, знаю.

Ижорскій.

Помочь мнѣ? мнѣ?

Волкъ.

Тебѣ; и, видишь ли? Судьбѣ
Угодно, чтобы я помогъ тебѣ.

Ижорскій.

Да кто же ты?

Волкъ.

Какъ будто въ этомъ сила?
Ну, я не лѣшій, не мертвецъ;
Не гнѣвайся, признаюсь, мой отецъ:
Я твой крестьянинъ, я—колдунъ Вавила.

Ижорскій.

И ты, ты мнѣ помочь готовишься, глупецъ!

Волкъ.

Вотъ то-то, Господа, вы черезъ чуръ спѣсивы!
Кто лапти носитъ и тулупъ
И бороздитъ сохою ваши нивы,
Всегда въ глазахъ Боярскихъ простъ и глупъ
А между тѣмъ . . . Да что! молчи, Вавила!
Ты говоришь, а онъ
Руками рѣжетъ воздухъ и воронъ
Съ кустовъ сгоняетъ! . . .

Ижорскій (про себя).

Чтобъ меня любила,
Чтобъ о взаимности сама меня молила . . .
О! если это быть могло!
Нѣтъ! нѣтъ! я не воздалъ бы зломъ за зло!
Ахъ! при одной уже мечтѣ блаженной,
Что Лидіею несравненной
Могу любимымъ быть, что я
Могу сказать ей: „ты моя!“
Забыто все, обманъ, предательство, притворство,
Все, что меня страданью обрекло.
Такъ, сердце, не совсѣмъ еще ты черство,
Не вовсе мертво ты!—ты снова расцвѣло;
Къ ней изъ груди моей ты рвешься, къ незабвенной...;
(Волку).
Вавила, ты бѣднякъ презрѣнной,
Ты всѣми ненавидимъ и гонимъ;
Но если бы ты могъ—клянуся Имъ,
Чье имя оба мы произнести не смѣемъ!
Хотя бъ ты былъ злодѣемъ,
Чернѣйшимъ изъ людей—нѣтъ, для тебя
Не пожалѣлъ бы я и самаго себя!—

Волкъ.

Ты много обѣщаешь, баринъ!
Надѣюсь, будешь благодаренъ.

Все сдѣлаю: награды жъ никакой
Я не желаю, кромѣ вотъ какой:
Мнѣ годъ позволь прожить съ тобой.

Ижорскій.

Со мною годъ прожить?—ты не Вавила!

Волкъ.

Еще разъ повторю: какъ будто въ этомъ сила?
Вавила? нѣтъ ли? дай отвѣтъ:
Что? ты согласенъ или нѣтъ?
Не бойся, я скучать тебѣ не стану:
Я знаю, вреденъ вашей братьи свѣтъ;
Ужъ вы привыкли къ сумраку, туману.
Предвѣстникъ мой навязчивъ былъ и скоръ,
Проказничалъ, мололъ вчастую вздоръ;
Я не таковъ: повѣрь, молчать умѣю;
Хотя бы видѣлъ, сломишь шею—
Какое дѣло мнѣ? я твой слуга, служу,
Молчу; а развѣ ужъ захочешь, спросишь:
Тогда конечно правду всю скажу.
Повѣрь, меня полюбишь, самъ не бросишь!
Что? какъ? рѣшился ли?

Ижорскій.

Рѣшился:—на годъ твой.

Волкъ.

И такъ, теперь ступай домой;
А я—принаряжусь. Вотъ видишь ли, любезный,
Я даже подписи не требую твоей;
Самъ видишь, демонъ я и скромный и полезной!
(Уходитъ *Ижорскій*; Волкъ превращается въ Шишимору;—Кикимора сходитъ съ дерева).

Кикимора.

Шишимора! меня онъ обманулъ, злодѣй!

Шишимора.

Каковъ Вивила красноглазый?
За шутки прежнія, за прежнія проказы
Онъ, кажется, тебѣ исправно заплатилъ.
Ужъ гаснетъ блескъ предутреннихъ свѣтилъ,
Ужъ ранніе въ лѣсу проснулись звуки:
Ты жъ не исполнилъ приказанья Буки!

Кикимора.

Помилуй! что? Ижорскій вѣдь здоровъ.

Шишимора.

Ай, молодецъ! всегда отвѣтъ готовый
Здоровъ, какъ могутъ люди быть здоровы:
(У нихъ-де вотъ и все различье отъ скотовъ;
Что нѣтъ межъ нихъ несумасшедшихъ
И не было въ вѣкахъ прошедшихъ
И въ будущихъ не будетъ: ужъ таковъ
Весь родъ ихъ). Но каковъ
Теперь Ижорскій—ихъ на свѣтѣ много . . . .
Судить не будемъ слишкомъ строго:
Положимъ, онъ здоровъ;
Да намъ скажи, нашъ умникъ, нашъ затѣйникъ,
Кто вылечитъ его? не я ли, вашъ дуракъ,
И вашей братьи забіакъ
Всегдашній мученикъ? И такъ,
Пукъ розогъ, плеть, ошейникъ,
Колодка или что подобное тому
Васъ ожидаетъ,—видно по всему.
Я не злопамятливъ, я добрый малой
И разскажу тебѣ, пожалуй,
Какъ я собой Вавилу подмѣнилъ.
Вавила, видишь, вышелъ отъ Богдана,
Я зналъ, что часъ его пробилъ

И подстерегъ его надъ рѣчкой у Кургана,
Едва онъ на доску—и доску я пихнулъ,
Упалъ онъ въ воду, крикнулъ, потонулъ
А лѣсу здѣшняго Султанъ ревнивый, Гулъ,
(Ты у него отбилъ двухъ или трехъ Русалокъ),
Что хочешь къ колдуну мнѣ между тѣмъ шепнулъ,
Отъ всей души тебѣ желая палокъ,—
Не ради мести, для твоего жъ добра,—
Я въ трупъ вселился, сталъ Вавилой
И обманулъ тебя на перекресткѣ, милой!
Раздумай это все: а мнѣ итти пора.

(Уходитъ).

Кикимора (одинъ).

И такъ, любезный другъ, читатель или зритель,
Съ тобою глазъ на глазъ
Мы видимся въ послѣдній разъ:
А тамъ за сценой мой сердитой повелитель!
И знать нельзя (сказалъ, быть можетъ, правду плутъ),
Меня и впрямь порядкомъ отдерутъ!
Когда же на тебя еще навелъ я скуку,
Тогда ужъ самому просить придется Буку,
Чтобъ онъ меня построже наказалъ.
Но если двѣ—три правды я сказалъ,—
Ихъ можетъ быть еще не знаетъ всякій,—
Ты мнѣ прости и шутовство и враки,
Для коихъ, самъ я чувствую, въ нашъ вѣкъ
Ужъ не довольно молодъ человѣкъ.
Иду; иному уступая духу:
Онъ будетъ въ страхъ очамъ твоимъ,
Онъ будетъ въ ужасъ слуху.
Но, что бы ни свершилось имъ,
Все приготовлено, да не забудешь мною:
Я, помни, овладѣлъ Ижорскаго душою,
Я ненависть въ него излилъ
Къ людскому племени, въ немъ вѣру погасилъ

Въ невинность, истину и добродѣтель;
Вотъ почему вина я и содѣтель,
Источникъ первый злодѣяній тѣхъ,
Которыя въ плачъ преобратятъ твой смѣхъ
И трепетный воздвигнется твой волосъ—
И задрожитъ Поэта робкій голосъ
И скажетъ онъ испуганнымъ друзьямъ
Безъ вѣры къ людямъ:
Отверженнымъ принадлежимъ духамъ
И на землѣ чудовищами будемъ!

Конецъ первой части

ИЖОРСКІЙ.

Часть II.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Левъ Петровичъ Ижорскій.
Князь Пронскій.
Княжна Лидія.
Графиня Шипетилова.
Весновъ.
Кондратъ Максимовичъ Ковалокъ, Фалалей Кузмичъ Подлипало, Анисимъ Павловичъ Вѣстовщиковъ. — Помѣщики, сосѣди Ижорскаго.
Честновъ, управитель Ижорскаго.
Станціонный смотритель.
Атаманъ и три разбойника.
Слуги.
Духи и видѣнія.
Добрый Духъ.
Титанія.
Аріель.
Бука.
Шишимора.
Кикимора.
Демонъ огня.
Зничъ и Саламандры.
Демонъ воздуха.
Демонъ моря.
Демонъ земли.
Заяцъ.

Дѣйствіе происходитъ большею частію въ помѣстьяхъ Ижорскаго и въ окрестностяхъ, кромѣ начала второго акта, которое разыгрывается въ Петербургѣ, и конца третьяго, происходящаго въ Новороссійскихъ степяхъ и на берегу Чернаго моря.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 1.

(Почтовый домъ на землѣ Ижорскаго. Вечеръ. Слышенъ колокольчикъ: потомъ входятъ Князь Пронскій Лидія, Графиня и Смотритель).

Князь.

Скорѣе, лошадей!

Смотритель.

Прошу покорно васъ!
Въ разгонѣ лошади: повремените съ часъ.

Князь.

Повременить? и часъ? ниже одной минуты!
Ужъ эти мнѣ Смотрители! всѣ плуты,
Разбойники.

Смотритель.

Не обижайте насъ:
Я Офицеръ; четырнадцатый классъ . . . . .

Князь.

Четырнадцатый классъ! пусть будетъ хоть тридцатый.
А есть ли что поужинать у васъ?

Смотритель.

Есть: окорокъ и пребогатый.

Князь.

Пожалуй окорокъ сюда!
(Князь садится; передъ нимъ ставятъ окорокъ и бутылку вина).

Смотритель.

Хорошаго вина бутылку?

Князь.

Да?
Ты малой, вижу, хоть куда.

Смотритель.

У насъ всегда найдется что въ запасѣ;
Не при одномъ живемъ при хлѣбѣ мы и квасѣ:
Не будь подъ часъ хорошаго куска,
И насъ самихъ возьметъ, Сударь, тоска.

Князь.

Ты говоришь умно и прямо мнѣ по сердцу.
Горчицы нѣтъ ли?

Смотритель (подаетъ).

Вотъ-съ.

Князь.

А перцу?

Смотритель.

Здѣсь.

Князь.

Почту держитъ кто?

Смотритель.

Помѣщикъ.

Князь.

А зовутъ?

Смотритель.

Ижорскій.

Князь.

Левъ Петровичъ?

Смотритель.

Отгадали-съ.

Князь.

Мы въ Петербургѣ часто съ нимъ видались:
Философъ онъ, чтобъ не сказать мнѣ шутъ.
Здѣсь какъ живетъ?

Смотритель.

Не выѣзжаетъ,
Сосѣдей никого не принимаетъ,
По цѣлымъ суткамъ запертъ, все одинъ;
Имѣньемъ правитъ старый дворянинъ:
А вѣрите ль? и онъ, что нужно, всѣ приказы
Находитъ письменно въ прихожей.

Князь.

Вотъ проказы.

Смотритель.

Такъ: отъ него
И слова не слыхалъ ни одного,
Съ его пріѣзда изъ столицы
Ни Камердинеръ, ни козакъ,
Ни поваръ.

Князь.

Даже поваръ? Небылицы!

Смотритель.

Повѣрьте слову честному.

Князь.

Чудакъ!

Лидія.

Il est intéressant, mon père.

Князь.

Intéressant? il est timbré, ma chère.

Графиня.

Intéressant ou bien timbré: toujours
C'est à vous qu'il le doit.

Лидія.

A moi?

Графиня.

Oui, mes amours.

Лидія.

Ah! Vous me tourmentez sans cesse.
Ne finirez Vous donc jamais, Comtesse?

Графиня.

Finir? pourquoi?
Ce jeu me plait à moi.

Князь.

Онъ, стало, никогда изъ дому не выходитъ?

Смотритель.

Выходитъ: по ночамъ въ лѣсу сосѣднемъ бродитъ
Съ ружьемъ; а не видалъ еще никто,
Чтобъ изъ лѣсу принесъ хоть зайца.

Князь.

Что?

Смотритель.

Болтаютъ старожилы,
Что тамъ нечистыя всегда водились силы . . . . .
Я этому не вѣрилъ ни чему . . .
(Въ Губернской я Гимназіи воспитанъ,
Живалъ въ Орлѣ, въ Москвѣ, довольно и начитанъ.
Не суевѣръ);—но видно по всему . . .
Не даромъ,—вамъ сказать короче,
Въ лѣсу проводитъ Левъ Петровичъ ночи!
И старика видали съ нимъ и . . .

Князь.

Вздоръ!

Смотритель.

Вы жъ слышали: я самъ не вѣрилъ по сихъ поръ;
Но . . .

Князь.

Я жъ скажу тебѣ безъ прибаутокъ;
Старикъ знакомъ мнѣ; онъ Ижорскаго дуракъ.

Смотритель.

Нѣтъ, ошибаетесь не какъ:
Ижорскому, ну право, не до шутокъ.
Онъ такъ унылъ, такъ блѣденъ, такъ изсохъ,
Что самый лучшій скоморохъ
Бѣдняжку разсмѣшить, ей Богу, не успѣетъ!
Онъ таетъ, исчезаетъ, тлѣетъ
И скоро мы его
Связемъ и . . . . барышня блѣднѣетъ!
Помилуйте, что съ вами?

Лидія.

Ничего . . .
Кружится голова—съ дороги.—

Князь.

Mon Dieu! тебя не держатъ ноги!
Ma nièce, подайте руку ей.

Смотритель.

Пожалуйте къ женѣ моей:
Тамъ можете раздѣться; отдохните.

Князь.

Графиня, отъ нее, прошу, не отходите
(Выходятъ Лидія и Графиня, за ними Смотритель).

Князь (одинъ, не вставая изъ-за стола).

Ужъ эти женщины! чудесницы, ей, ей!
Вдругъ въ обморокъ . . . съ чего? прошу покорно!
Съ дороги?—можетъ быть. Но ихъ причудъ, затѣй
Не перечтетъ и лучшій грамотѣй:
Вдругъ вздумаютъ и—ангеломъ злодѣй!
Вдругъ закричатъ: ужастно, гнустно, чорно!

Вдругъ то же самое прекраснымъ назовутъ!—
Ижорскій? вѣдь Амуръ проказникъ, плутъ:
Быть можетъ, именно отъѣздъ . . . . его не ждали:
Къ тому жъ (какъ намъ Кузины разсказали)
Горячка, бѣшенство, затменіе ума,
Примѣты романтической печали . . . .
А сверхъ того, кто знаетъ? и сама
Къ нему и передъ тѣмъ сильнѣе привязалась,
Чѣмъ мнѣ поспѣси признавалась . . .
Какъ бы то ни было, душой я былъ бы радъ,
Когда бъ Господь послалъ мнѣ въ этомъ зятѣ кладъ.
Богатство, говорятъ, и вздоръ и предрасудокъ,
Но вѣрьте мнѣ, не вздоръ пустой желудокъ;
И честью увѣряю васъ,
Когда вотъ помянулъ про хлѣбъ одинъ и квасъ,
По жиламъ пробѣжалъ мнѣ вдругъ огонь и холодъ,
И былъ я сытъ еще, а чувствовалъ ужъ голодъ!
Взятъ домъ мой за долги въ казну,
Въ опеку отдано имѣнье;
Въ деревню ѣду: скука и мученье!
Теперь досугъ мнѣ будетъ: на луну
Смотрѣть и сочинять эклоги.
И починять дороги
И книгу написать, хоть житіе мое
И всѣхъ старухъ и стариковъ сосѣдства
Прилѣжно слушать мудрое вранье
И къ улучшенью паствъ искать въ газетахъ средства
И Петербургъ бранить и славить тишину,
Невинность и коровъ!—Какая перспектива!
Деревня для меня Японія и Хива
И хуже, чѣмъ Сибирь!—Забудусь-ко, засну.

(Засыпаетъ).

Явленіе 2.

(Передъ почтовымъ домомъ; глубокая ночь).

Шишимора.

Темнота, тишина:
Закатилась луна,
Помертвѣла природа,
Тихо звѣзды горятъ,
Блѣдно звѣзды блестятъ
Средь небеснаго свода.

*
* *

Демонъ, Демонъ огня!
Ты послушай меня,
Смертныхъ ужасъ и кара!
Ты явись предо мной,
Окруженный грозой,
Въ бурѣ, въ воѣ пожара!

Демонъ огня (является).

Вихремъ мчитъ меня огонь,
Мой ретивый, добрый конь;
Раздается трусъ и грохотъ,—
Этотъ мой веселый хохотъ.
Слышишь ли глушащій трескъ?
Вотъ моихъ ладоней плескъ!

*
* *

Я мирно покоился въ твердомъ кремлѣ,
Лежалъ беззаботный подъ насыпомъ Лавы:
Вдругъ зовъ твой могущій послышался мнѣ,—
И вотъ я возсталъ, роковой и кровавый!
Чего ты желаешь, скажи, отъ меня?
Чего ты желаешь? я Демонъ огня.

Шишимора.

Воспали пожаромъ
Этотъ спящій домъ;

Гибельнымъ ударомъ,
Яростнымъ крыломъ,
Предсылая дымъ и страхъ,
Обрати его во прахъ?

Демонъ огня.

Вы, Саламандры, мнѣ внемлите,
Услышьте мой владычный гласъ;
Предстаньте: призываю васъ;
Предстаньте, поспѣшите!

Саламандры (вспыхиваютъ изъ-подъ земли).

О Царь! ты призываешь насъ;
Мы слышимъ твой владычный гласъ:
Что намъ прикажешь, нашъ властитель?
Разрушить чью велишь обитель?

Демонъ огня.

Отвалите съ бездны камень,
Зачерпните въ безднѣ пламень,
Въ тьмѣ зажгите яркій свѣтъ:
Будь сей домъ въ огонь одѣтъ!

Саламандры.

Былъ сей домъ—заутра нѣтъ!

* * *

Скорѣе, скорѣе
За дѣло, за дѣло!
Дружнѣе, живѣе
Чтобъ дѣло кипѣло!

Зничъ.

Ты жги; ты свѣти; ты махай, а ты дуй;
Ты пламенный токъ и мѣшай и волнуй:
Ты, братъ, завивай среди рдяной пучины;
Я жъ вѣтеръ ревучій воздвигну съ равнины.
И въ полымя грянется радостенъ, яръ.
И къ тучамъ подышетъ блестящій пожаръ.

Саламандр

Дружнѣе!
Живѣе!
Чтобъ дѣло
Кипѣло!

Зничъ.

Чтобъ домъ въ океанѣ горящемъ исчезъ;
Чтобъ наше по воздуху взвилося знамя,
Багровое, шумное, жадное пламя
До звѣздъ полуночныхъ, до самыхъ небесъ!

Саламандры.

Скорѣе и пр.

Шишимора.

Одинъ кряхтитъ, другой надулся, будто мѣхъ;
Сверкаютъ въ черной тьмѣ чудовищныя лица,
Какъ съ наковальни жаръ, какъ быстрая зарница . . .
Потѣха! смѣхъ!
Работайте: пора! къ Ижорскому отправлюсь,
Надъ страхомъ гордаго безумца позабавлюсь.

Явленіе 3.

(Ижорскій въ своей комнатѣ одинъ, входитъ Шишимора).

Ижорскій.

Что?

Шишимора.

Ничего.

Ижорскій (помолчавъ.)

Что я любимъ,
Ты мнѣ клянешься и не лицемѣришь?

Шишимора.

Когда повѣришь
Глазамъ своимъ
Сегодня изъ разныхъ обстоятельствъ,
Довольно выведешь и сильныхъ доказательствъ,
Что ты любимъ.

Ижорскій.

Еще сегодня! какъ?
Княжня съ отцемъ въ столицѣ . . . .

Шишимора.

Какъ не такъ!
Графиня и Княжна съ отцемъ брюханомъ
Ночуютъ у тебя въ деревнѣ.

Ижорскій.

Что ты? здѣсь!

Шишимора.

На почтѣ Князь заснулъ на креслахъ за стаканомъ,
А дочь . . . ты на ея-ль мнѣ жаловался спѣсь?
Про Льва Петровича разсказывалъ Смотритель;
Подѣйствовали на Княжну слова:
Вдругъ дурно,—закружилась голова . . .
(Хорошій вѣрно былъ Риторики учитель
Въ Гимназіи Губернской!) Вотъ она
Теперь, лишенная утѣхъ, надежды, сна
Въ свѣтелкѣ по тебѣ, по миломъ стонетъ, плачетъ.
И сердце у тебя отъ радости не скачетъ?—

Ижорскій.

Здѣсь Лидія, въ двухъ отъ меня шагахъ.
И съ нею я не свижусь . . . . ахъ!

Шишимора.

Не свидишься?

Ижорскій.

Не свижусь: передъ нею,
Нѣтъ, не унижусь! Если бы и рай

За то мнѣ былъ наградой, не считай
Она меня игрушкою своею!

Шишимора.

И ты рѣшился?

Ижорскій.

Да.

Шишимора.

Ну, я жъ о ней сожалѣю:
Сгоритъ бѣдняжка.

Ижорскій.

Лидія сгоритъ?

Шишимора.

И безъ метафоры; нѣтъ, просто, въ самомъ дѣлѣ.
Должно быть видно и отселѣ . . . (Смотритъ въ окно).
Такъ точно: вотъ блеститъ
Тебѣ любезнѣйшему другу
По мѣрѣ данныхъ мнѣ способностей и силъ,
Я было вздумалъ оказать услугу:
На почтѣ я пожарецъ разложилъ;
Хотѣлъ, чтобъ ты предсталъ ей, какъ спаситель,
Чтобъ вынесъ героиню изъ огня . . . .
Оставимъ: пустъ горитъ! Усталъ я; вы поспите-ль?
Покой бы нуженъ былъ и для меня.

Ижорскій.

Будь проклятъ ты!—Пожаръ, эй, люди! эй, коня!
(Входятъ слуги).
Скорѣй на почту!—Почта запылала!
Коней!—чтобъ вы издохли! мнѣ коня!
На почту—говорю,—всѣ съ велика до мала!
Пріѣзжіе . . . спасите ихъ!
Коня! коня!—не стало силъ моихъ!

Слуги (вбѣгая и выбѣгая).

Пожаръ! пожаръ! на почту!

Одинъ изъ нихъ.

Лошадь, баринъ,
Готова.

Ижорскій.

Благодаренъ!
За мной! туда, туда!
(Выбѣгаетъ; потомъ слышенъ конскій топотъ).

Шишимора.

Умора! шумъ какой! какая суета!
(Уходитъ).

Явленіе 4.

(Передъ почтою; почтовой домъ пылаетъ: народъ толпится.—Впереди видны Графиня, Смотритель, жена его, спасенные; Шишимора: потомъ является Ижорскій съ Княземъ, котораго выноситъ изъ пожара).

Князь.

Тфу! было мнѣ тепло: боюся,
Не растопился ли—жирненекъ—мой животъ!
Безъ дальныхъ безъ заботъ
Чуть не изжарили меня, какъ гуся.
Ну; Левъ Петровичъ, хватъ! сказать, что молодецъ!
Спасибо! выручилъ! родной ты мнѣ отецъ!
Дымъ! пламя! я кричу; горитъ, пылаетъ;
Ужъ жаромъ духъ мой занимаетъ:
Вдругъ Левъ Петровичъ прилетѣлъ
И вынесъ на плечахъ меня изъ ада.

Шишимора (вполголоса).

Какъ не сломила плечъ подобная громада?

Князь.

Спасибо! я здоровъ и цѣлъ.

Ижорскій.

От благодарности избавьте,
Князь; пустословіе оставьте!..
Гдѣ? гдѣ Княжня?

Князь.

Княжня?
Еще не спасена?
Такъ, братецъ, зналъ я, что меня ты любишь;
А чтобы предпочелъ меня Княжнѣ,
Не думалъ я—и очень лестно мнѣ!

Ижорскій.

Безумный! и отецъ! себя, несчастный, губишь!
Княжна гдѣ? знаешь ли, кто я?
Княжна гдѣ? или—(вотъ рука моя!)
Тебя, негодную мерзостную ношу,
Въ пожаръ, въ которомъ былъ ты, снова брошу

Князь.

Да не сердись! ее я вижу; тамъ она!
(Показываетъ на окно, у котораго является Лидія).

Ижорскій.

Огнемъ и смертію окружена,
Изъ верхняго жилья, моля, простерла руки;—
Рветъ сердце вопль ея, ея стенаній звуки!
На помощь, духи тьмы! вамъ душу отдаю:
Ее спасите, Лидію мою
Спасите! (Бросается въ огонь).

Графиня.

Грудь отъ ужаса не дышитъ:
Густое полымя ему на встрѣчу пышитъ
И лижетъ жаднымъ языкомъ
Пылающій со всюду домъ;
Пропалъ,—явился вновь; обоихъ ихъ не стало,
Ихъ не видать;—заныло сердце, вотъ;—
Такъ точно, онъ! Онъ снова у воротъ!
Увы! огнемъ всѣ ворота объяло!

Онъ держитъ Лидію безъ чувства на рукахъ,
Онъ медлитъ, епанчей ее закуталъ . . . . ахъ!
Онъ ринулся . . .

(Лишается чувствъ; Ижорскій выноситъ Лидію).

Князь.

Ма pièce, вы въ обморокъ упали
Напрасно: живы, спасены!
И даже волоса не сожжены
У Лидиньки: такъ бросьте же печали!

Явленіе 5.

(Садъ Ижорскаго. Входитъ Кикимора).

Кикимора.

Здорово, милой мой раекъ!
Здорово, другъ Партеръ! мое почтенье, кресла!
Безъ васъ наскучило: препоясалъ я чреслы,
Взялъ посохъ и суму; шелъ, шелъ, все на востокъ—
И наконецъ прибрѣлъ на эти доски,
„А для чего?“ кричитъ Фирюлинъ, мой Зоилъ:
„И прежде ты довольно насъ бѣсилъ;
„Твои всѣ шуточки такъ глупы и такъ плоски!
И я душой былъ радъ, когда ты объявилъ,
Что, къ прекращенью нашей муки,
Здѣсь съ нами глазъ на глазъ
Ты видишься въ послѣдній разъ . . . .
И что жъ? опять ты здѣсь! гдѣ жъ плеть и палка Буки?“
Трофимъ Михайловичъ, не торопитесь бить;
Позвольте напередъ вамъ доложить:
Бѣсенокъ я, а сотворенъ для дружбы;
Для ней ни отъ какой не откажуся службы.
Есть другъ и у меня, предобрый человѣкъ,
Пречестная душа—писатель;

И вотъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: „пріятель,
„Преемникъ твой не то, что ты; онъ ввѣкъ
„Со сцены съ публикой не вступитъ въ разговоры.
„Къ тому жъ угрюмые, косые взоры,
„Его коварный, злобный нравъ
„Ну, право, созданы не для забавъ!
„А, братъ, необходимъ съ партеромъ мнѣ посредникъ,
„Веселый, умный собесѣдникъ,
„Который бы подъ часъ, какъ Шекспировъ хоръ,
„Имъ пояснялъ мой вздоръ".
И ну просить и лестными словами
Превозносить меня, хвалить мой умъ, мой даръ!
Что жъ? просьбы и хвалы,—вы вѣдаете сами,—
Хоть въ комъ, а породятъ усердіе и жаръ;
Я къ Буки; Бука молвитъ: „отпускаю";
И вотъ я здѣсь и въ должность я вступаю!—

*
* *

Не такъ ли, Господа, вы видѣли пожаръ?
Лихая, говоритъ, тутъ заварилась каша!
Ижорскій спасъ Княжну. Что жъ? героиня наша
Занемогла; къ тому жъ погода, грязь . . . .
У Льва Петровича остался въ домѣ Князь.
Прошло съ недѣли съ двѣ: Княжня съ постели встала,
Но, благодарности полна,
Любовію занемогла княжна.
И прежде, говорятъ, тайкомъ пылала
(Дѣйствителенъ же былъ Вавилинъ наговоръ!),
Теперь же и таить любви не стала:
Обрадовался Князь и—сладилъ вмигъ сговоръ.
Однако жъ кланяется хоръ:
Женихъ! пожалуй, сгонитъ съ мѣста!
Чай, нашихъ прежнихъ шашней не забылъ;
Да и сердитъ: смотрите, какъ унылъ!
За то ужъ какъ мила, какъ хороша невѣста!
(Уходятъ; входятъ Ижорскій и Шишимора.)

Ижорскій.

Любимъ я, счастливъ! счастливъ? я? да что жъ

(Указывая на грудь).

Здѣсь адъ мой шепчетъ:—клевета и ложь!
Но пусть обманомъ я прельщаюсь снова,
Хочу обману вѣрить . . . Такъ! ни слова!
А черный, злобный демонъ не молчитъ;
Онъ въ безднѣ сердца все одно твердитъ.
Любимъ! вопросъ: а я любить могу ли?
На вѣки дни минувшіе минулись;
Все выскажу: ея я не люблю;
Я чувствъ вчерашнихъ уже обрѣсть не въ силахъ.
Не стужу-ль скуки я при ней терплю?
Огонь мгновенный вспыхнулъ на могилахъ
Моихъ истлѣвшихъ ощущеній: я
Считалъ огонь сей свѣтомъ оживленья,
Отъ одного погасъ онъ дуновенья
И въ прежней, хладной тмѣ душа моя!
Чтобы любить ее, свою природу
Я побѣдить бы долженъ; съ корнемъ вонъ
Всю ненависть къ ея исторгнуть роду
Предательскому,—къ людямъ: а мнѣ онъ
Такъ мерзокъ, какъ тирану сумасброду,
Который—мысль не глупая!—скорбѣлъ,
Что не одна дана и та же шея
Всѣмъ этимъ тмамъ и тмамъ бездушныхъ тѣлъ:
Вдругъ, разомъ . . . да! Желаніе злодѣя
Понятно мнѣ. И я, въ груди моей
Ко всѣмъ къ нимъ ужасъ, ненависть лелѣя,
Я соглашуся для одной, для *ней*
На подлую, безумную измѣну
Суровой правдѣ, самому себѣ?
Вовѣки унизительному плѣну
Ужъ не подвергнуся . . . Хвала судьбѣ!
Нельзя. Но если бъ даже, я ль забуду,
Какъ эта Лидія играла мной?
Кто? я, овечьей одаренъ душой?
Нѣтъ! пусть она трепещетъ: тигромъ буду!

Такъ! Но чего ищу, найду ль у ней?
Быть можетъ, ужъ давно жокей, лакей,
Или Вѣтреневъ, шутъ презрѣнный,
Или молокососъ, дитя—Весновъ,
Или Жеманскій, геній несравненный . . . .
О! всѣхъ ихъ я бы растерзать готовъ!
Пускай!—по крайней мѣрѣ на колѣняхъ
Ее хочу я видѣть предъ собою,
Роскошствовать въ ея рыданьяхъ, пѣняхъ,
Чтобы, объята смертною тоской,
Стеня, ко мнѣ подъяла гласъ безумный,
Меня молила о любви: а я, . . .
(Не ею ль жизнь отравлена моя?)
Взгляну я—и воздвигну хохотъ шумный!
Ты скажешь что?

Шишимора.

Я поздравляю васъ,
По чести, Левъ Петровичъ, поздравляю:
Вы понабрались кой чего у насъ;
Васъ, сударь, уважать я начинаю.
Положимъ, ты по слабости своей
И не совсѣмъ еще достигъ чертей;
А, право, хороши твои успѣхи;
Ты ужъ почти опередилъ людей.
Ну, продолжай! Для адской ты потѣхи
Созрѣешь, можетъ быть: надежда есть—
И то не малая, повѣрь мнѣ, честь,
Когда столь рухлое, какъ ты, созданье
За нами слѣдуетъ, хоть сдалека.
Одно противно мнѣ: твоя тоска
И то, что слишкомъ въ вялое мечтанье
Вдаешься . . . . Нѣтъ, живи-ко, братъ, слегка,
Безъ этихъ глупыхъ, тяжкихъ размышленій,
Чтобы подъ часъ не дрогла и рука;
Не слушай предразсудковъ и сомнѣній:
Шаршавятъ жизнь и только! А къ чему?

Все дѣлай по желанью своему
И ты первостепенный будешь Геній!
(Входитъ Лидія).

Лидія.

Не помѣшала ли я вамъ?

Ижорскій.

Княжна, васъ посѣтить я собирался самъ:
Поговорить мнѣ должно съ вами.

Лидія.

Поговорить? вы правы: между нами
О многомъ должно бы поговорить.
Такъ передъ вами я во многомъ виновата:
Считаю васъ за друга и за брата;
Для васъ хочу свою всю душу обнажить.

Ижорскій.

Позвольте . . . (Шишиморѣ) —Ты иди и чтобъ
намъ не мѣшали!
(Уходитъ Шишимора).

Лидія.

Я много причинила вамъ печали,
Мой другъ! и вспомнить такъ стыжусь. Но
нѣтъ;
Пусть вы узнаете, пусть слышитъ цѣлый свѣтъ!
Какъ грѣшникъ, исповѣдавъ преступленья,
Надѣется отъ Бога отпущенья,
Такъ, исповѣдавъ всѣ мои вины,
И я надѣюсь: будутъ прощены.
Тотъ, съ кѣмъ я говорю, не мой ли избавитель,
Который жизнію мнѣ жертвовалъ? Къ тому жъ
Не благородный ли, великодушный мужъ?
Узнать хотите ль,
Ижорскій, какъ могла дойти я до того,
Что самымъ лучшимъ, самымъ высшимъ чувствомъ
Играла? что съ предательскимъ искусствомъ,
Боль, муку душъ себѣ вмѣняя въ торжество,

Сама и холодна и съ безмятежной кровью,
Шутила, забавлялася любовью?
Богъ далъ мнѣ добродѣтельную мать:
Она меня съ какимъ стараніемъ ростила,
Какъ силилась свою мнѣ душу передать?
Мнѣ было десять лѣтъ. . . ее взяла могила. . .
Отецъ мой. . . больно сердцу моему. . .
Его вы знаете: не вамъ однимъ; всему
Извѣстенъ свѣту онъ. . . онъ былъ мой воспитатель,
Но защитилъ меня Создатель
И вѣрно, матери Святая тѣнь
Меня хранила ночь и день,
Меня, какъ ангелъ Божій, сберегала:
Я правила его, содрогшись, отвергала;
Былъ долго не впимателенъ и глухъ
Къ его ученію испуганный мой слухъ;
Успѣлъ онъ не во всемъ, увы! успѣлъ во многомъ.
Онъ сердце мнѣ тщеславьемъ отравилъ,
Онъ блескомъ суеты мнѣ взоры ослѣпилъ.
Единственнымъ своимъ и счастіемъ и Богомъ
Считать я стала этотъ блескъ.
Куда ни покажусь, вездѣ встрѣчаю плескъ,
Восторгъ и торжество и восхищенье;
Съ начала это все рождало упоенье,
Потомъ наскучило; безумная толпа
Моихъ поклонниковъ казалась такъ глупа,
Казалась такъ мертва, что стала въ омерзенье;
Явились вы: вы были исключенье;
Мое тщеславье пробудилось вновь:
Но я наказана; отомщена любовь.

Ижорскій.

Вы, Лидія, меня, прошу васъ, извините:
Вы не къ тому привыкли, что теперь
Услышите. Не знаю. . . . .

Лидія.

Говорите;

Все, все мнѣ выскажи, мой другъ, и вѣрь,
Хотя бы рѣчь твоя была сурова,
Хотя бы ты мнѣ сердце растерзалъ,
Хотя бы въ каждомъ звукѣ былъ кинжалъ,
Все отъ тебя я выслушать готова!

Ижорскій.

И такъ! . . . судьбой учитель былъ мнѣ данъ
Жестокій, опытъ, вождь безжалостный, но вѣрный:
Онъ весь мой путь одѣлъ въ волчецъ и терны,
Онъ много мнѣ нанесъ страданія и ранъ;
Но предо мной разсѣялъ заблужденья
И продалъ правду мнѣ,—безъ спору за мученья,
Все жъ правду. Съ той поры исчезли всѣ мечты,
Спалъ съ глазъ покровъ бывалой слѣпоты
И сновидѣньями я назвалъ сновидѣнья:
Увидѣлъ я людей въ ихъ гнусной наготѣ,
Изгибы душъ бездонныхъ разгадалъ я,
Зажегъ свѣтильникъ въ ихъ ужасной темнотѣ,
Всю злобу, все коварство ихъ позналъ я.
Меня вы любите? вы говорите такъ. . . .
Желалъ бы вѣрить я, но не могу: не вѣрю.
Гдѣ доказательства? и чѣмъ измѣрю
Сію любовь? мнѣ ненавистенъ мракъ:
Съ словами сердце не всегда согласно;
Хочу, чтобъ для меня свѣтло все было, ясно.

Лидія.

Несчастный, бѣдный другъ! что, что скажу тебѣ?
Не оскорбляюсь, нѣтъ: душою я болѣю.
Ахъ! но желала бы и злѣйшему злодѣю
Съ тобой равняться въ тягостной судьбѣ,
Какого страшнаго въ себѣ ты кормишь змія!
Желаешь доказательствъ: но какія,
Скажи мнѣ, доказательства сильнѣй.
Тѣхъ, что сквозь слезы изъ моихъ очей
Блестятъ теперь? тѣхъ, что изъ каждаго движенья,
Изъ звука словъ моихъ самъ можешь почерпнуть?

Какъ вѣру влить въ твою невѣрящую грудь?
Какъ одолѣть твои упорныя сомнѣнья?
И если ты не убѣжденъ
Всѣмъ тѣмъ, что видишь, всѣмъ, что слышишь,—
Что жъ убѣдитъ тебя?—Тобой мой духъ плѣненъ,
Въ моемъ дыханьи каждомъ дышишь
Ты, ты одинъ; такъ, ты одинъ
Моихъ всѣхъ чувствъ и мыслей властелинъ;
Да! изъ малѣйшихъ даже обстоятельствъ
Ты могъ бы видѣть, какъ люблю тебя,
Могъ видѣть, что тебѣ весь міръ я и себя
Охотно бъ отдала. . . Какихъ же доказательствъ,
Жестокій, требуешь еще?—Но нѣтъ: скажи!
Не упрекаю,—прикажи!
Какія бъ ни были, я напередъ согласна;
На всѣ рѣшаюсь; радостна, безгласна,
Всѣ жертвы принесу.

Ижорскій.

Одной желаю; но. . . .

Лидія.

Какой? располагай моею жизнью, мною!
О! какъ я счастлива: я къ твоему покою
Могу содѣйствовать! . . .

Ижорскій.

Такъ, Лидія: одно
Мнѣ нужно доказательство.—Съ тобою
Я обрученъ; моею быть женою
Ты не противишься. . . . Я честный человѣкъ;
Я слова своего не нарушалъ во вѣкъ. . . .
Еще скажу: одно довѣрье
Довѣрье можетъ породить во мнѣ.
И вотъ вопросъ мой вамъ, Сіятельной Княжнѣ:
Вы въ силахъ ли презрѣть высокомѣрье,
Спѣсь рода своего, молву и санъ отца?
Принадлежать мнѣ до вѣнца

Вы въ силахъ ли?.. Молчишь, блѣднѣешь... Слушай: кто я?
Цѣною счастья и покоя,
От роковыхъ отъ грозныхъ силъ
Драгой цѣною я купилъ
Единственный мой даръ: сей даръ—свобода.
Не святы для меня ни одного народа
Обычьи, предразсудки, бредъ.
Единый мой законъ, единый Богъ—природа.
И мнѣ подобна быть должна
Та мощная, отважная жена,
Которая подать не содрогнется руку
Мнѣ на всю жизнь: со мной сопряжена,
Должна дерзать на скорбь, на смерть, на муку;
Должна встрѣчать съ возвышеннымъ челомъ
То даже, что зовете вы стыдомъ.
Но разъ еще тебѣ я повторяю:
Я честный человѣкъ,
Я слова даннаго не нарушалъ во вѣкъ,
И клятвенно тебѣ я обѣщаю:
Когда *сама* по жертвѣ той
Захочешь быть моей обвѣнчанной женой,
Тогда твою исполню волю,
И пусть обрядъ
Соединитъ, какъ самъ умѣетъ, нашу долю.

Лидія.

О Боже праведный! онъ боленъ, онъ больнѣй
Стократъ, чѣмъ думала я въ простотѣ своей!
Ижорскій! что, о! что мнѣ предлагаешь?
Своей ли собственной погибели желаешь?
А мнѣ въ ужасномъ лучше бы огнѣ,
Въ пучинѣ пламенной, неизбѣжимой
Истлѣть, исчезнуть было мнѣ!
Ты для того ли спасъ меня, неустрашимой,
Чтобъ стала я тебѣ безстрашному въ боязнь?
Чтобъ ты, спаситель мой, обрѣлъ въ спасенной казнь?

Внемли: ты ужъ теперь растерзанъ подозрѣньемъ;
Не сомнѣваюсь въ словѣ я твоемъ:
На мнѣ ты женишься; но что? всегда, во всемъ,
Увѣренный моимъ паденьемъ,
Что снова пасть могу,—во всемъ ты ложь, обманъ
Увидишь, растравишь всѣ язвы прежнихъ ранъ,
Къ нимъ новыя, ужасныя прибавишь
И страшнымъ бременемъ меня, себя подавишь.
Меня? не мысли о себѣ:
Я силою непостижимой,
Таинственной, неодолимой
Привлечена къ тебѣ. . . .
Нѣтъ! объ одной твоей я думаю судьбѣ:
О! сжалься надъ собою;
О! да остануся достойною тебя;
Меня губя,
Души моей любимецъ, ты со мною
Не погуби себя!

Ижорскій (въ сторону).

Еще она, клянусь, и бездну одолѣетъ!
Клянусь, меня едва
Не сбили чистый взоръ и мощныя слова.
Нѣтъ! нѣтъ! все это вздоръ, притворство!—не успѣетъ!

(Громко).

Княжна, въ послѣдній разъ
Я спрашиваю васъ:
Согласны ли принять мое вы предложенье?
Нѣтъ?—такъ покиньте же мое уединенье,
Меня оставьте одного;
Чтобы, какъ прежде, мнѣ людей не видѣть,
Отречься на всегда отъ міра, отъ всего
И безъ изъятья всѣхъ васъ ненавидѣть!

(Идетъ; Лидія удерживаетъ его).

Лидія.

Ижорскій! Боже мой! согласна. . . я твоя!

Ижорскій.

Теперь тебя своею я считаю,
 Теперь ты истинно моя.
Въ бесѣдкѣ. . . въ полночь. . . ожидаю.

(Уходитъ).

Лидія (одна).

Не сплю ли я? не въ мрачномъ ли бреду
Меня пугаютъ дикія видѣнья?
Что я сказала? помощь гдѣ найду?
Къ кому воздвигну стоны и моленья?
Увы мнѣ! сердце съ сердцемъ не въ ладу:
Отъ неба ль, отъ чудесъ мнѣ ждать спасенья?
Весь мой обзоръ могильной мглой одѣтъ:
Потухъ отрадный, путеводный свѣтъ.

* *
*

Сурово бренное свое созданье,
Сурово наказалъ меня мой Богъ:
Кому и жизнь и каждое дыханье,
Всѣ чувства посвятила я, *онъ* могъ
Обречь меня на срамъ и поруганье?
Безсмертный! ты непостижимъ и строгъ:
Что смертнаго, какъ Бога, я любила,
За то меня Твоя караетъ сила.

* *
*

О дочери молися, мать моя!
Ты, коей глазъ любезный и священной
Съ младенчества златаго помню я!
Ко слабой мнѣ, со всюду утѣсненной
Изъ рая пусть простреться длань твоя:
Или къ своей обители блаженной
 Восхить меня: постылъ мнѣ міръ земной;
 Покоя жажду страждущей душой. . .

* *
*

 Покоя жажду. . . ахъ! но очарованъ
 Всесильнымъ обаяніемъ мой духъ:
 Къ нему привязанъ, связанъ съ нимъ и скованъ;

Къ погибели стремится слѣпъ и глухъ. . .
Страдалецъ! нѣтъ, онъ счастьемъ не балованъ:
Вездѣ встрѣчалъ и взоръ его и слухъ
Предательство; онъ горькую судьбину
Былъ долженъ пить. . . и я его покину?

* *
*

Я? никогда! ему я докажу,
Что въ мірѣ есть еще любовь прямая;
Что суетой и я не дорожу;
Пусть судитъ и гласитъ толпа слѣпая;
Ты подвигъ мой благослови, Святая!
Такъ, устою, всѣ бури отражу:
Но въ темной, мертвой—жизненной пустынѣ
Я буду ангеломъ отнынѣ.

(Послѣ нѣкотораго молчанія).

Все рѣшено. Нѣтъ Лидіи: она
Для міра, для родныхъ погребена;
Отнынѣ отрокомъ да будетъ дѣва:
Рабомъ да будетъ гордая Княжна;
И рабъ судебъ не убоится гнѣва,
И отроку не будетъ смерть страшна,
Съ весельемъ онъ сразится съ нищетою:
Онъ укрѣпленъ Любовью роковою.
Но кто жъ ведетъ меня въ унылый домъ,
Гдѣ нынѣ вновь Ижорскій одинокой,
Съ ужаснымъ, всѣхъ пугающимъ челомъ,
Снѣдаемый змѣей, мечтой жестокой,
Какъ первый, Богомъ мучимый злодѣй,
Какъ Каинъ, отречется отъ людей?
Къ нему, какъ волны ко скалѣ кремнистой,
Толпа текла изъ города всего;
Но только юному съ душою чистой
Изъ всей толпы Ижорскій одного
Встрѣчалъ, когда-то взоромъ не суровымъ;
И душу за Ижорскаго Весновъ
Былъ въ это время положить готовъ.
И я—я не безъ власти надъ Весновымъ:

Свой первый пламень посвятилъ онъ мнѣ;
Меня любилъ онъ въ робкой тишинѣ.
Вотъ вѣрный, вотъ усердный мой союзникъ!
Къ нему, въ столицу, не теряя словъ!
Такъ, имъ и мной нашъ драгоцѣнный узникъ
Воздвигнется изъ адовыхъ оковъ.

(Поспѣшно уходитъ).

(Смерклось; вечерняя заря освѣтила садъ багрянымъ мерцаніемъ: нѣсколько музыкальныхъ аккордовъ, потомъ являются Титанія и Аріель).

Титанія.

Сильфъ, гдѣ былъ ты, гдѣ порхалъ?

Аріель.

Медъ съ цвѣтовъ я собиралъ,
Омывался я росою.

Титанія.

Сильфъ, безсиленъ ты и малъ;
Но судьбы благой рукою
Быстротой ты надѣленъ,
Надѣленъ умомъ проворнымъ:
Нынѣ мнѣ явись покорнымъ;
Много будешь награжденъ.

Аріель.

Быть твоимъ слугой не мнѣ ль?
Вѣчный рабъ твой Аріель:
Съ ранней, сладостной денницы
До возврата вѣщихъ сновъ,
Я велѣнія Царицы
Всюду совершать готовъ.

Титанія.

Въ путь же, Сильфъ, скорѣе въ путь!
Ходъ на сѣверъ простирая,
Выдетъ дѣва молодая:
Подъ кафтаномъ дѣвы грудь,
Шляпа на главѣ мужская.

Ты, ее оберегая,
Не позволь ниже дохнуть
На нее дождю, ненастью;
Страхъ таинственною властью
Насылай на злыхъ звѣрей,
На недобрыхъ, на людей;
Чтобъ въ дубравѣ дѣвы нѣжной,
Чтобъ ее въ степи безбрежной
Обижать не смѣлъ злодѣй;
Волкъ не испугалъ голодный,
Вѣтеръ не знобилъ холодный.
Въ путь же, Сильфъ, лети скорѣй!

Аріель.

Внялъ я голосу Царицы;
Полечу быстрѣй зарницы.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе 1.

(Занавѣсъ еще опущена; выходитъ Кикимора).

Кикимора (публикѣ).

То, что вы видѣли, почтенные друзья,
На колдовство, на чудеса похоже;
Однако же встрѣчалъ не рѣдко я
Въ житейской вашей прозѣ точно то же:
Пока красавица къ красавцу холодна,
Онъ вылѣзть, кажется, готовъ изъ кожи;
И что жъ? едва къ нему преклонится она,—
И вдругъ—его душа застужена,
И онъ,—о ужасъ! онъ готовъ прозваньемъ рожи
Тотъ ликъ, небесный ликъ безславить и срамить,
Безъ коего, клялся, не въ силахъ долѣ жить.

Но я не вышелъ къ вамъ для разсужденій,
Я нынѣ Автору подручный геній,
А сей покорно проситъ васъ:
„Перенеситесь въ Петербургъ на часъ.“
Туда въ кафтанѣ, шляпою покрыта
Отправилась отважная Княжна;
Сильфъ Аріель ея вожатый и защита,
И, кажется, могла ужъ и дойти она,
Пока гремѣли здѣсь басы, литавры, скрипки.
Надѣюсь, многія простите намъ ошибки,
Когда, превращена
Въ Амура Русачка, предстанетъ вамъ она,
И насъ отпустите не безъ улыбки.
Пора мнѣ: занавѣсъ шумитъ,
Взвилась . . . (Занавѣсъ поднимается: открывается комната; Весновъ сидитъ у окна и читаетъ).
. . . Взгляните: вотъ Весновъ сидитъ,
Читаетъ— что? *два дворянина* *)
Веронскіе . . . вы не читали ихъ?
Прочтите жъ! Но изъ-за кулисъ дѣтина
Въ ливреѣ мнѣ грозитъ; разливъ рѣчей моихъ
Гнѣвитъ Директора; а то счастливый стихъ
И не одинъ и презабавный
Вамъ предложилъ бы: я болтунъ исправный.
(Уходитъ).

Голосъ подъ окномъ.

Арбузы, дыни хороши:
Купи же, баринъ тороватый
Позвать сиротку прикажи
Въ свои высокія палаты;
Арбузы, дыни хороши:
Купи же, баринъ тороватый!

Весновъ (у него выпадаетъ книга изъ рукъ).
Что слышу? голосъ чей?—Онъ чудно мнѣ знакомъ,

*) The two gentlemens of Verona, Комедія Шекспира, въ которой также дѣвушка переодѣвается въ отрока.

И тою жъ сладостью и тѣмъ же серебромъ
Наполненъ, какъ ее!—То не простое сходство,
То голосъ Лидіи!—(Помолчавъ)—Какое сумасбродство.
Какъ мысль такая мнѣ на умъ притти могла?
(Беретъ опять книгу) Да! эта Юлія мила:
Опа его любовь своей любовью мѣритъ;
Ему, бѣдняжка, безпредѣльно вѣритъ!
Счастливый путь въ Миланъ!—а какъ ее поэтъ
Представилъ отрокомъ? (Читаетъ).

Голосъ.

Арбузы, дыни . . . .

Весновъ (вскакиваетъ).

Нѣтъ!

Не ужели причиной чтенье?
Меня или дурачитъ воображенье
Или . . . Эй, мальчикъ!—эй, лотокъ!
(Глядя изъ окна).
Взглянулъ . . . ея глаза!—идетъ . . . и поступь та же;
И ростъ и волосъ,—такъ, улыбка даже!
И млѣю и дрожу . . . Что тутъ готовитъ рокъ?
(Входитъ Лидія, переодѣтая мальчикомъ-разносчикомъ; продолжается нѣмая игра).

Лидія.

Что, баринъ? вѣрно, нѣтъ у васъ охоты
Отвѣдать нашихъ дынь?

Весновъ.

Скажи мнѣ мальчикъ, кто ты?

Лидія.

Сиротка; въ Питеръ прибылъ изъ села.

Весновъ.

Откуда родомъ ты?

Лидія.

Изъ-подъ Орла.

Весновъ.

А прозываешься?

Лидія.

Иванъ Сусанинъ.

Весновъ.

Чей?

Лидія.

Льва Петровича Ижорскаго крестьянинъ.

Весновъ.

Его?—Сомнѣнья нѣтъ: я отгадалъ, кто ты,
Я отгадалъ, кого передъ собою вижу,
И мнѣ ль забыть сіи черты?—
Молчишь?—навязчивость, повѣрь мнѣ, ненавижу.
Не буду самъ навязчивъ—и свята
Мнѣ будетъ тайна та,
Которая тебя скрываться принуждаетъ.
Чего же Ваня отъ меня желаешь?

Лидія.

Служить вамъ; вмѣстѣ жъ и... отъ васъ услугъ.

Весновъ.

Какихъ? скажи . . . помѣщикъ твой мнѣ другъ.

Лидія.

Вашъ другъ?—и я слыхалъ такъ отъ людей дворовыхъ.
Да мало, говорятъ, въ нашъ вѣкъ друзей готовыхъ
Друзьямъ въ бѣдѣ помочь:
Всѣ въ счастіи друзья, въ несчастіи всѣ прочь.

Весновъ.

Извѣдай и найдешь, усерднымъ буду другомъ.

Лидія.

Иное тяжко и для истинныхъ друзей.

Весновъ.

Такъ, такъ!—Все жъ ввѣрься твердости моей.

Лидія.

Мой баринъ страждетъ злымъ недугомъ
(Дѣдъ думаетъ: испортили его).
Онъ въ жизни, говорятъ, отвѣдалъ отъ всего

И много горькаго,—а пасмуренъ съ природы;
Объѣхалъ бѣлый свѣтъ, всѣ земли, всѣ народы
И воротился въ Святую Русь
Мрачнѣе вдвое, чѣмъ поѣхалъ.—Не берусь
Подробно разсказать, да слухъ такой носился:
Здѣсь въ Петербургѣ будто бы влюбился
И будто бы въ послѣдній разъ
Дѣвичьей ласкѣ положилъ повѣрить.
И что жъ? (не добрый, вѣрно, гласъ
Завистницы какой!) лукавить, лицемѣрить
Передъ несчастнымъ принялась она;
Прикинулась, что влюблена,
Сама же ему смѣялась стороною.
Онъ вдругъ узналъ—и помертвѣлъ душою
И бросилъ городъ и покинулъ міръ
И нынѣ, одинокъ и сиръ,
Живетъ самъ-другъ съ змѣей, злодѣйкою-тоскою.
Мнѣ жъ дѣдъ мой сказывалъ: кого любовь
Убила, тотъ воскреснетъ вновь,
Какъ будетъ поднятъ дружеской рукою.

Весновъ.

Къ нему?

Лидія.

Такъ точно.

Весновъ.

Не допуститъ насъ.

Лидія.

Увидимъ; выждемъ легкій часъ:
Онъ, знаю, болѣ всѣхъ знакомыхъ любитъ васъ:
Къ тому же разныя пѣть пѣсеньки умѣю;
Когда-то нравились ему онѣ . . .
(Болтаютъ, не дурной Господь далъ голосъ мнѣ)
Такъ, съ Богомъ, съ вами, можетъ, и успѣю;
Успѣлъ же съ Богомъ молодой пастухъ;
О немъ вотъ пишутъ, что лукавый духъ

Царя смущалъ, а пастырь юный
Ударилъ въ золотыя струны
Гласомъ сладостнымъ святый псаломъ запѣлъ,
И духъ лукавый отлетѣлъ.

Весновъ.

Готовъ я, за земной предѣлъ
Итти готовъ я за тобою!

Лидія.

Спѣшишь къ страдальцу съ дружбою святою.
И ужъ сдается мнѣ, страдалецъ исцѣлѣлъ.

(Уходятъ рука въ руку).

Явленіе 2.

(Домъ Ижорскаго въ Орловскомъ его имѣніи: Ижорскій, Шишимора).

Шишимора.

Опять тоскуешь—охъ!

Ижорскій.

О чемъ же веселиться?

Шишимора.

Ты любишь Лидію, скажи мнѣ, или нѣтъ?

Ижорскій.

Ее ни мало.

Шишимора.

Дѣльный, братъ, отвѣтъ.
О чемъ грустить?

Ижорскій.

Грустить? мнѣ должно бы бѣситься!
Не удалось, не отомстилъ.

Шишимора.

За то ужъ желчь на Князя ты излилъ:
Ему досталось на порядкахъ.
Ты часто ли въ такихъ припадкахъ
Бываешь? въ бѣшенствѣ такомъ?
Съ двора убрался онъ тишкомъ
Съ племянницей, съ Графинею жеманной,
Не то бы случай вышелъ и престранной;
Пришлось бы отвѣчать спинѣ отца
За то, что дочь ушла, не наша до вѣнца!
Но развѣ ты обиженъ ею только
И ненавидишь только, что ее?
Ушла—ну, на другихъ ты вымести свое!
Да, правда: добренькихъ жалѣешъ!

Ижорскій.

Я? нисколько:
Безъ исключенья ненавижу всѣхъ:
Мнѣ, право, кажется, ихъ вопль мнѣ былъ бы смѣхъ.

Шишимора.

Похвально. Между тѣмъ, что дѣлаешь съ досады?
Витійствуешь; поешь Іереміады;
Не хуже, чѣмъ покойникъ Ювеналъ,
Ругаешь дураковъ, злодѣевъ наповалъ;
А дураки, злодѣи
Все продолжаютъ прежнія затѣи;
Живутъ—и думаютъ: „Сатира не кинжалъ,
„Не пистолетъ и не отрава;
„Бранится?—пусть! вѣдь первымъ намъ забава“.
Я dixi, доказалъ.

Ижорскій.

Послушайте, вы, господинъ Лукавый!
Я не хочу ни чьею быть забавой,
Ни вашей,—вѣрьте мнѣ. Такъ, не люблю людей
(Любить ихъ нѣтъ причины),
Но разставлять оставьте паутины:

Груба ужъ слишкомъ ткань такихъ сѣтей!
Злодѣйства гнусны мнѣ, я не злодѣй;
Вотъ слово я скажу: я дорожу собою,
Своимъ я мнѣньемъ дорожу;
Мнѣ люди мерзостны, предъ адомъ не дрожу;
Но не унижусь никогда душою.
И, ежели вы, господинъ Пролазъ,
Дерзнете искушать меня еще хоть разъ,
Не забывая дружбы нашей,
И я дерзну—и прогоню васъ въ зашей.—

Шишимора.

Прогонишь? нашъ контрактъ! ты позабылъ его?
Собою дорожишь? не хочешь быть злодѣемъ?
А съ позволенья твоего
Еще мы надъ тобой похохотать посмѣемъ.
Да! что злодѣй? кого зовешь злодѣемъ ты?
Есть, право, славныя черты
И въ житіи твоемъ? И вотъ тебѣ образчикъ:
(Я не расказчикъ,
Но провожу его,
Пріятель, только для того,
Что память у тебя плохая)
Кто? я ли, звѣрской яростью пылая,
Хотѣлъ невинную дѣвицу соблазнить?
Потомъ сразить ее ужаснымъ адскимъ смѣхомъ?
Когда бы увѣнчалось то успѣхомъ,
Ты дней ея расторгъ бы нить,
Или бы душу ввергъ въ холодное затмѣнье,
На вѣки въ ней задулъ бы умъ,
Но это ничего, не преступленье;
Ты праведникъ, ты поднялъ крикъ и шумъ
И говоришь: „не смѣй вводить насъ въ искушенье!"
Люблю я, что всегда, во всемъ
Съ дѣлами мнѣніе твое согласно:
Кто ненавидитъ, тотъ не оскорбитъ ни въ чемъ
Враговъ своихъ—не такъ ли? это ясно!

Ты дорожишь собой
И по прекрасной сей причинѣ,
Себя терзаешь вѣчною тоской
И грызть себя даешь убійственной кручинѣ.
А развѣ зло творить,—когда ужъ такъ ты строгъ,—
И безкорыстно бы не могъ,
Безъ пользы для себя, единственно изъ рвенья
Ко злу?—Тогда—ну, чванься въ добрый часъ!
Тогда бы истинно ты походилъ на насъ
И всякаго достоинъ былъ почтенья.
Я, напримѣръ, открылъ бы домъ
Про всякаго, про всѣхъ, веселый, молодецкій,
На славу, домъ игрецкій:
Здѣсь банкъ, тутъ стоссъ, тамъ кости, а притомъ
Вино, балы, театръ, музыка роговая,
Цыганки, кони, псарня—и лихая,
Ну, словомъ: все, Гоморра и Содомъ!
У насъ ли нѣтъ на все и способовъ и средства?
Вообрази, возьми,
Какъ тутъ изъ близкаго, изъ дальняго сосѣдства
Нагрянули бы къ намъ съ сынами, съ дочерьми!
Тутъ сколь бы нашлось пріятелей старинныхъ:
Тотъ батюшку знавалъ, тотъ по женѣ родня,
А тотъ, не зная, почиталъ меня;
Сестрицъ и тетушекъ откормленныхъ и чинныхъ,
И грязныхъ дядюшекъ и глупыхъ братцевъ—полкъ!
Ихъ стаду былъ бы радъ гостепріимный волкъ:
Онъ отъ любезности коровъ бы разрывался,
Козлинной дѣльности, дивясь бы, восхищался
И находилъ бы и въ баранахъ умъ и толкъ.
Такъ! обирать бы ихъ я сталъ до нитки,
Не для себя: на что мнѣ? нѣтъ, хоть въ печь.
Весь выигрышъ! но весело ихъ жечь
Огнемъ медлительной, учтивой, тихой пытки.
А только пикнетъ кто, а только кто дрогнетъ
И не найдетъ, что мы чрезвычайно милы,
Того нашъ пистолетъ на разумъ наведетъ:

Пускай раздумаетъ тамъ въ тишинѣ могилы,
Какъ больно оскорбилъ такихъ, какъ мы, людей,
Своею щекотливостью извѣстныхъ,
Радушныхъ, благородныхъ, честныхъ!
Про женъ ихъ, про сестеръ, про дочерей
Ужъ что и поминать! достались бы въ придачу.
Чудеснѣйшій проектъ! чуть съ радости не плачу!
Но ты, мой другъ, ступай,
Какъ прежде, самому себѣ надоѣдай,
Филиппики, какъ прежде, расточай;
Вѣдь знаю же: твое веселье—скука,
Твое блаженство—мука,
Зѣвота для тебя и счастіе и рай!
Но только не мечтай,
Что отъ другихъ ты въ чемъ-нибудь отличенъ;
Какъ всѣ они, ты двуязычень;
Какъ всѣ, одно толкуешь, говоришь,
А глядь, другое сотворишь!
Такая же бренная, какъ всѣ собратья, глыба,
И ты, какъ всѣ, не мясо и не рыба.

Ижорскій.

Послушай, Демонъ: правъ ты; точно такъ,
Я точно былъ дуракъ,
Что за вины другихъ себя терзалъ и мучилъ
Быть одинокимъ, я соскучилъ:
Пусть ѣдутъ, пусть бѣгутъ! открытъ для всѣхъ мой домъ.
Увидишь: съ неблѣднѣющимъ челомъ
И я раскидывать умѣю сѣти.
Что стыдъ? что совѣсть? что молва?
Нелѣпыя слова!
Боится кто ихъ? кто? никто, ни даже дѣти!

(Уходитъ; за нимъ Шишимора).

Явленіе 3.

(Домъ помѣщика Кондрата Максимовича Ковалка. Кондратъ Максимовичъ и Фалалей Кузмичъ Подлипало).

Ковалка.

Что новаго, сосѣдъ?

Подлипало.

Есть кое что, и вамъ
За что купилъ, за то продамъ.
Ижорскій . . . .

Ковалка.

Колобродитъ?

Нѣтъ; онъ на отца теперь походитъ:
Такой же сталъ, какъ былъ покойникъ, хлѣбосолъ;
Прогналъ съ двора печаль, забылъ бѣды и горе,
Для всѣхъ насъ у него театръ, охота, столъ,
Ну, словомъ, разливное море.
Вотъ созвалъ третьяго дня весь уѣздъ.
И съѣхались: кресты, да, не было безъ звѣздъ,
Превосходительныхъ съ пятокъ, Князей довольно,
И было все такъ благородно, вольно,
Безъ принужденья, безъ чиновъ,
И радъ хозяинъ всѣмъ, всѣхъ обласкать готовъ.
А какъ въ игрѣ ему везетъ? скажу вамъ: вотъ
Тупаловъ,—вышелъ голый изъ воротъ,
Раздѣлъ его Ижорскій до рубашки.

Ковалка.

Да это не отцовскія замашки!

Подлипало.

Кондратъ Максимычъ,—молодежь!
Остепенился ты; не мудрено: сѣденекъ;
А чай, и ты леталъ туда же, гдѣ картежъ.
Вѣдь бьется онъ, сердечный; не изъ денегъ.
Премилый человѣкъ! его я полюбилъ;
И нашимъ бабамъ всѣмъ онъ голову вскружилъ.

Ковалка.

И къ молодцу своихъ возить ты станешь на домъ?

Подлипало.

А почему же нѣтъ?

Ковалка.

Поздравлю жъ васъ съ нарядомъ,
Съ уборомъ головнымъ.

Подлипапо.

Сули уборъ инымъ:
Не опасаюсь.
А за Ханжевскихъ, братъ, такъ не ручаюсь;
Да берегись и нустяковъ:
У нихъ ужъ и дошло съ женой до крупныхъ словъ.

(Входитъ Анисимъ Павловичъ Вѣстовщиковъ).

Ковалка.

Слуга покорный! Кумъ нашъ драгоцѣнный!
Прошу присѣсть.

Вѣстовщиковъ (садясь).

Благодаримъ за честь.

Ковалка.

Насъ разсудите, другъ почтенный:
Вотъ Фалалей Кузмичъ привезъ мнѣ вѣсть . . .

Вѣстовщиковъ.

Признаться, кой-какія есть
И у меня.

Подлипало.

Какія?

Ковалка.

Кумъ, какія?

Вѣстовщиковъ.

Преважныя, предорогія:
Вы Машу, Вспышкина меньшую знали дочь?

Ковалка.

Зналъ. Что жъ?

Вѣстовщиковъ.

Бѣжала нынче въ ночь.

Ковалка.

Бѣжала? какъ?

Вѣстовщиковъ.

Изъ переписки
Съ Ижорскимъ вышло все; письмо нашелъ отецъ;—
Что правда—правда, Вспышкинъ не подлецъ,
Служивый старый, человѣкъ не низкій
И честью дорожитъ,
А сущій чортъ, когда сердитъ:
Присталъ къ ней, сталъ произносить проклятья,
Монастыремъ, побоями стращать,
Не къ стати тутъ вмѣшалась мать,
Вступился дядя, раскричались братья;
Перепугалась дѣвка—и бѣжать
И, говорятъ, къ Ижорскому въ объятья.

Ковалка.

Ну, Фалалей Кузьмичъ, Ижорскій твой каковъ?

Вѣстовщиковъ.

Вамъ былъ знакомъ Поручикъ Храбряковъ?

Подлипало.

Владиміръ Карпычъ?

Вѣстовщиковъ.

Онъ. Зарѣзался бѣдняжка!

Ковалка.

Помилуй Богъ! за что?

Вѣстовщиковъ.

Его же кучеръ Яшка
Мнѣ обо всемъ подробно разсказалъ:

Ижорскій ободралъ Поручика, какъ липку,
Казенную вотъ сумму проигралъ;
Взыскателенъ и строгъ ихъ Генералъ:
И такъ, чтобы поправить ту ошибку
Несчастный глотку отмахнулъ себѣ.

Ковалка.

Ну славный хлѣбосолъ, ну ласковый хозяинъ
Сосѣдъ, скажу тебѣ:
Разбойникъ онъ!

Подлипало.

Злодѣй!

Ковалка.

Губитель!

Вѣстовщикъ.

Ванька Каинъ!

(Входитъ слуга).

Слуга.

Отъ Льва Петровича нарочный прискакалъ.

Ковалка.

Не слышу. . . ась? что, братецъ, ты сказалъ?

Слуга.

Пріѣхалъ къ вамъ нарочный изъ Сладкова.

Ковалка.

Нарочный! . . . . . изъ Сладкова! . . . . къ намъ!

Вѣстовщиковъ (Подлипалѣ въ полголоса).

Плясать его душа отъ радости готова!

Ковалка.

Да, Фалалей Кузьмичъ, сказать позвольте вамъ;
Оно немножечко на старину похоже.
Покойникъ Петръ Степановичъ,—мой Боже!
Мы были съ нимъ пріятели, друзья:
Нарочныхъ отъ него и жди, бывало, я
Двухъ, трехъ въ недѣлю; что же?

То пригласитъ на травлю, на обѣдъ,
То позоветъ на имянины,
То свадьба дочери, то внучкины крестины.
Братъ, честный человѣкъ, прекрасный былъ сосѣдъ!
Пивалъ я у него, да ужъ какія вины!
Шутникъ, любилъ смѣяться, вздоръ молоть...
Дай царствіе ему небесное, Господь!

Вѣстовщиковъ.

Не ужто примите Ижорскаго лакея?
Вы. . .

Ковалка.

У тебя свербитъ, Анисимъ Павлычъ, шея:
Помилуй! Губернатору родня!
Еще вотъ обнесетъ, пожалуй, и меня!
Нарочный пусть войдетъ.
(Выходитъ слуга, потомъ входитъ нарочный).

Нарочный.

Велѣлъ спросить васъ баринъ:
Все ль въ добромъ здравіи?

Ковалка (кланяясь).

Обязанъ, благодаренъ!

Нарочный.

И приказалъ донесть,
Чтобы изволили съ нимъ за просто откушать.

Ковалка.

Считаю за особенную честь. (Уходитъ нарочный)
Нельзя же отказать, нельзя же не послушать:
Богатый, знатный человѣкъ;
Тронь—не развяжешься и ввѣкъ!
Анисимъ Павлычъ, вамъ слуга всегдашній,
Сегодня жъ! . . . . Фалалей Кузьмичъ у насъ домашній
И не разсердится: и такъ,
Оправлюсь, наряжусь, надѣну новый фракъ.
Прошу васъ, извините! (Уходитъ).

Вѣстовщиковъ.

Вы, Фалалей Кузьмичъ, куда же вы спѣшите?

Подлипало.

Заѣду, братъ, домой:
Въ Сладково, чай и мы приглашены съ женой.
(Уходитъ).

Вѣстовщиковъ (одинъ).

Вотъ люди, за обѣдъ, за приглашенье
Готовы все продать, и вѣчное спасенье!
Да Левъ Петровичъ ожидаетъ насъ:
Пора. . . (смотритъ на часы). Такъ точно, вотъ ужъ первый часъ! (Уходитъ).

Явленіе 4.

(Домъ Ижорскаго; Ижорскій и Честновъ).

Ижорскій.

Съ ноги ты на ногу переступаешь,
Сморкаешься и кашлешь и вздыхаешь. . . .
Ну, кончишь ли?—тоска!
Давно ли сталъ безъ языка?
Такія лица, знаешь,—
Мнѣ не въ терпежъ.

Честновъ.

Что жъ дѣлать? въ добрый часъ!
Не умереть мнѣ въ вашемъ домѣ, видно.
А я,—пусть было больно и обидно,
Еще не то переносилъ отъ васъ,
Какъ были вы больны.

Ижорскій.

Да, бросьте пустословье!
Ты видишь: я здоровъ.

Честновъ.

Продли вамъ Богъ здоровье
И наведи на истинный васъ путь!
Да мнѣ позвольте отдохнуть;
Пожалуйте мнѣ, старику, отставку.

Ижорскій.

То есть: прибавку?
Не такъ ли?

Честновъ.

Нѣтъ. Въ послѣдній разъ, прошу,
Вы выслушать меня извольте, Левъ Петровичъ:
Вамъ слово про себя скажу.
Не мѣщанинъ я, не поповичъ,
Природный, Русскій дворянинъ
И кровью я купилъ мой малый чинъ.
Нашъ добрый Генералъ, вашъ батюшка покойный,
(Будь миръ его костямъ! вельможа былъ достойный),
Мой благодѣтель: я служилъ въ его полку
Еще при матушкѣ—Екатеринѣ.
Вотъ, Левъ Петровичъ, по какой причинѣ
Онъ предложилъ мнѣ, старику,
Когда ужъ продолжать я не былъ въ силахъ службы,
Мѣстечко, хлѣбъ и кровъ,
И принялъ ихъ Честновъ
Отъ щедрости его, великодушья, дружбы:
Но, вотъ Господь свидѣтель!—ихъ
Не принялъ бы ни отъ кого другихъ.
При мнѣ вы родились; росли въ глазахъ моихъ
И часто васъ качалъ я на колѣняхъ. . .
(Утираетъ слезы).

Ижорскій.

Браво!
И слезы! продолжай: надоѣдать мнѣ право
Ты пріобрѣлъ. Но не обманешь, нѣтъ!
Нѣтъ, не совсѣмъ я глупъ; мнѣ не шестнадцать лѣтъ.

Честновъ.

Сынъ друга моего и это твой отвѣтъ?
Не мучь меня; взгляни: бѣлъ, будто снѣгъ, мой волосъ!
(Помолчавъ).
Въ послѣдній разъ вы слышите мой голосъ,
Сударь: впередъ ужъ вамъ не стану докучать!
Въ послѣдній разъ мнѣ дайте досказать.
Все выскажу—а! сладко вспоминать!
Мы вами мальчикомъ, прекраснымъ любовались:
Какія пылкія въ васъ чувства разгорались!
Какой живой и чистый жаръ,
Какое рвеніе къ дѣламъ всѣмъ благороднымъ!
И васъ увидѣть мужемъ превосходнымъ
Надѣялися мы. . . вдругъ умеръ вашъ отецъ:
Господь ему послалъ конецъ,
Чтобы избавить отъ печали:
Тутъ для меня дни горькіе настали;
Я на землѣ остался сиротой.
Васъ повезли въ столицу:
Мое послѣднее веселіе съ собой
Вы взяли. Въ службу вы вступили; за границу
Отправились—и наконецъ
Къ намъ возвратились. . . мой Творецъ!
Зачѣмъ до вашего я дожилъ возвращенья?
Слѣды ужаснаго являя разрушенья
На яростномъ челѣ, въ потухнувшихъ очахъ,
Во всѣхъ обезображенныхъ чертахъ,
Такъ вы предстали мнѣ; взглянули на Честнова,
Я къ вамъ бросаюсь,—вы—ни слова—
И заперлись. И сталъ мнѣ страшенъ домъ
И мнѣ мечталось, здѣсь витаютъ духи злые.
Утеръ я слезы кулакомъ,
Но вспомнивъ дни былые,
И васъ больныхъ покинуть не хотѣлъ,
И вотъ, казалось, день нашъ просвѣтлѣлъ:
Здоровы стали вы; за тотъ пожаръ молебенъ
Я отслужилъ,

Въ которой Богъ васъ укрѣпилъ
Спасти Княжну. Теперь. . . не нуженъ, не потребенъ
Я вамъ; въ такомъ быту, каковъ
Вашъ новый бытъ, не можетъ жить Честновъ.

Ижорскій.

Старикъ, какъ хочешь: я тебя не принуждаю;
Держать—я не держу, и гнать—не выгоняю;
Остаться можешь, можешь и пойти:
Самъ вижу, наши разошлись пути. . . .
Что дѣлаю, за то предъ Богомъ отвѣчаю
И тяжко, можетъ быть, то для моей души;
Но мнѣ не нужны наставленья
И слышать твоего я не желаю мнѣнья.
И такъ, какъ хочешь. . . Но ко мнѣ пиши.
Тебя я не забуду.

Честновъ.

Въ слезахъ, въ потѣ, рыдая и стеня,
За васъ молиться буду:
Ахъ! если бы услышалъ Богъ меня!

Ижорскій (вынимая бумажникъ).

Вчера я выигралъ: возьми вотъ,—на дорогу. . . .

Честновъ.

Я грѣшный человѣкъ—(и кто же безъ грѣховъ?)
Такъ, деньги я люблю и въ томъ я каюсь Богу:
Но *этихъ* денегъ не возьметъ Честновъ.

Ижорскій.

На это важныя причины безъ сомнѣнья?

Честновъ.

Ихъ знать хотите вы?

Ижорскій (киваетъ головой).

Честновъ.

Прошу же извиненья:
Я этихъ денегъ не возьму. . . .

Ижорскій.

Ну, не возьмешь. . . а почему?

Честновъ.

Не будетъ Божія на нихъ благословенія.

Ижорскій.

Не будетъ? . . .

Честновъ.

Да, на нихъ
И плачъ и клятвы бѣдныхъ жертвъ твоихъ.

Ижорскій.

Ты забываешься. . . какая дерзость!

Честновъ.

Не деньги нужны мнѣ, нѣтъ, мнѣ нужна любовь!
Мнѣ ваши деньги въ мерзость:
На вашихъ деньгахъ Храбрякова кровь.
(Поспѣшно уходитъ).

Ижорскій (Одинъ).

Кровь, Храбрякова кровь! Ее не доставало!
(Задумывается, входитъ Шишимора и останавливается въ отдаленіи).
Какъ я собой владѣю мало!
Правъ демонъ: брененъ я и слабъ,
И я, какъ всѣ, слѣпыхъ предразсужденій рабъ.
И что жъ тутъ? Бытія единаго не стало
Въ бездонномъ токѣ жизней и смертей,
Въ семъ морѣ неисчисленныхъ зыбей
Единой капли нѣтъ. . . и отъ того мнѣ жало,
Такое жало въ сердце *мнѣ* запало?
Тебя я вырву, адская стрѣла!
Бѣда большая! жизнь одна прошла!
И жизнь какая?
Безумца жизнь, ничтожная, пустая,
Какъ блѣдный пустоцвѣтъ.

Но шепчетъ мнѣ не то душа моя больная;
Вотще твержу ей: „нѣтъ!“
Глухая мука мнѣ невольницынъ отвѣтъ.
Опять задумывается).

Шишимора (въ полголоса).

Его терзаютъ угрызенья,
Сосетъ, грызетъ его безсмертная змѣя:
Безмолвно наслажуся я
Бѣсовъ достойнымъ зрѣлищемъ мученья.
И повлеку его потомъ на преступленья,
Какъ глупаго тельца на бойню подъ обухъ;
На подвиги, отъ коихъ взоръ и слухъ,
Содрогшись, помертвѣютъ:
Предъ ними прежнія, какъ тѣни, поблѣднѣютъ,
Неискупимы будутъ и весь адъ
Вольютъ въ его раздавленную душу;
И перерѣжу всякій путь назадъ
И клятву вѣчную на падшаго обрушу!
(Выступаетъ впередъ).
Грядущей смерти внемлю я шагамъ:
Сюда, сюда, къ симъ близится стѣнамъ!
И жертва новая уже готова,
Увѣнчана—и ножъ уже остеръ
И вскорѣ, вскорѣ загоритъ костеръ!
(Громко).
Письмо къ вамъ отъ какого-то Веснова.

Ижорскій.

Подай. (Читаетъ письмо). Въ выздоровленіи моемъ
Пріемлетъ непритворное участье. . . .
Онъ здѣсь въ имѣніи своемъ. . .
„Для молодаго человѣка счастье
„Знакомство съ вами“. Моему уму
Дивится, знаньямъ. . . Проситъ позволенья
Ко мнѣ пріѣхать. . . .

Шишимора.

И ему
Позволишь безъ сомнѣнья?

Ижорскій.

Звѣрь ненасытный, и его
Пожрать ты хочешь!

Шишимора.

Я? кого?
Помилуй! мнѣ какое дѣло? что ты?
Съ людьми же у тебя, не у меня расчеты:
Не сдѣлали мнѣ люди ничего.

Ижорскій.

Съ тобою спорить нѣтъ охоты:
Ты знаешь силу перстня моего?
Тебѣ повелѣваю силой сею.
Молчи!

Шишимора.

Ослушаться не смѣю.

Ижорскій.

знай: на зло тебѣ спасу Веснова я,
Знай: онъ мнѣ дорогъ: да! напрасно брови
Сближаешь такъ насмѣшливо: нѣтъ! крови
Веснова—вотъ тебѣ рука моя—
Ты не напьешься. Глупой ли, смѣшной ли,
Какой бы ни былъ я, мнѣ все равно;
Отказъ на просьбу,—рѣшено:
Онъ не погибнетъ! (Уходитъ).

Шишимора (уходя за нимъ).

Ой ли?

Явленіе 5.

(Открытое мѣсто въ лѣсу близъ большой дороги. Глубокая осень).

Шишимора.

Гдѣ ты, заяцъ? заяцъ, гдѣ ты?
Что нейдешь ты, трусъ косой?

Заяцъ.

Дубъ, береза, вязъ раздѣты
Лиходѣйкою зимой;
Садъ и поле стали пусты,
Льдомъ покрылася рѣка:
Позабытъ кочанъ капусты
Въ огородѣ мужика.
Тотъ кочанъ и бѣлъ и сладокъ;
Зайчикъ на капусту падокъ:
По просторнымъ, по лугамъ,
По веселымъ, по холмамъ
Вдоль забора, по оврагу
Трусъ поднялся въ огородъ.
А и зайцу дастъ отвагу
Холодъ, голодъ и нужда.
Звалъ ты: трусъ бѣжитъ сюда
Прибѣжалъ и ждетъ, что скажешь?
Ждетъ, что заюшкѣ прикажешь?

Шишимора.

Съ горки прыгъ, на горку скокъ,
Въ лѣсъ бѣги ты на востокъ:
Раздается рогъ ловецкій,
Псы подняли лай и вой;
Мчится всадникъ молодецкій,
Воронъ конь его лихой. . . .
Ты яви свою отвагу:
Перерѣжь дорогу псамъ;
По просторнымъ, по лугамъ,
По веселымъ, по холмамъ,
Вдоль забора, по оврагу
Примани ловца сюда.
Нѣтъ, не трусь, русакъ проворный;
Не тебѣ грозитъ бѣда:
Шею сломитъ онъ, задорный.

Заяцъ.

По просторнымъ, по лугамъ,

По веселымъ, по холмамъ
Вдоль забора, по оврагу
Мнѣ бѣжать на встрѣчу тамъ,
Мнѣ явить свою отвагу?
Мнѣ манить сюда ватагу
Злыхъ собакъ, ловцевъ лихихъ?
Пуще смерти трушу ихъ.

Шишимора.

Ну, пошелъ же! или духу
Я предамъ тебѣ, косой!

Заяцъ.

Тотчасъ, благодѣтель мой!
Но утѣшь мою старуху,
Коли зло случится мнѣ,
Охъ! не даромъ и во снѣ
Былъ я позванъ къ людямъ въ гости:
„Велика", я думалъ, „честь!"
Ужъ сегодня не унесть
Васъ мнѣ, бѣдненькія кости!

(Убѣгаетъ заяцъ).

Шишимора (одинъ).

Такъ, оправдается примѣта стариковъ:
„Бѣда, когда Русакъ перебѣжитъ дорогу!"
Наѣдешь на нежданную тревогу,
Ижорскій; бойся русаковъ!
И выручитъ тебя Весновъ
И будетъ преданъ неминучей долѣ.
И въ домъ его ты примешь по неволѣ.
Но слышу голоса воровъ:
Подобно вою стаи гладной
Неистовыхъ волковъ
Сюда несется пѣснь ихъ шайки кровожадной.

(Скрывается. Является Атаманъ съ тремя разбойниками).

Разбойники (поютъ).

Не батюшка напутствовалъ,

Снабжала же не матушка
Удалыхъ насъ молодчиковъ
Въ дорогу ту, дороженьку
Въ дремучій боръ, въ ночь темную.
Напутствовалъ Царевъ кабакъ,
Снабжала же головушка,
Головушка разгульная,
Разгульная, да буйная;
И намъ дала подарочки:
Товарищъ нашъ, булатный ножъ;
Второй-то былъ подарочекъ
Кистень съ ремнемъ, товарищъ то жъ;
Ружье, ружье Нѣмецкое
Былъ третій намъ подарочекъ!

Атаманъ.

Пожалуй, вы пѣньемъ накликните врага:
Молчать! Мнѣ слышатся рога.
Прилягъ на землю, Костя:
Не къ намъ ли чертъ несетъ какого гостя?
Что?

1-й Разбойникъ (прилегъ къ землѣ).

Конскій топотъ.

Атаманъ.

Близко?

1-й Разбойникъ.

Да.

Атаманъ.

Взберись на елку, Ѳомка-борода.
(2-й разбойникъ взбирается на дерево).
Не видишь ли чего?

2-й Разбойникъ.

Мнѣ видится охотникъ.

Атаманъ.

Одинъ?

2-й Разбойникъ.

Одинъ.

Атамамъ.

Здѣсь стой, Андрюшка плотникъ;
Ты, Костя, здѣсь; а мы съ Ѳомой,
Мы станемъ вотъ за этою сосной.

3-й Разбойникъ.

По насъ ли, полно, драка?
Эй, не попасть бы намъ въ бѣду, Космачъ!

Атаманъ.

Одинъ!—Ты слышишь ли, измоченный калачъ?
Чего жъ боишься?

1-й Разбойникъ.

Чу! залаяла собака.

2-й Разбойникъ.

Бѣжитъ русакъ.

Атаманъ.

Къ ружью! дружнѣе! стой!

(Является Ижорскій верхомъ; его окружаютъ; нѣсколько выстрѣловъ).

Ижорскій (кричитъ).

Злодѣи! рѣжутъ!

Атаманъ.

Точно такъ.

Ижорскій.

Разбой!

(Еще нѣсколько выстрѣловъ; Ижорскій падаетъ съ лошади. Вдругъ прибѣгаетъ Весновъ и Лидія, одѣтая Казачькомъ: Весновъ убиваетъ атамана: разбойники разбѣгаются: Лидія между тѣмъ бросилась къ Ижорскому и поддерживаетъ ему голову. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Кикимора (по поднятіи занавѣса).

Вы мнѣ скажите, вы, чувствительныя дамы,
Охотницы до страховъ и чудесъ,
Что можетъ быть милѣе нашей драмы?
Въ ней все, чего ни спросишь: темный лѣсъ,
Безумье и любовь и нѣжности и бѣсъ
И наконецъ, о радость! и разбойникъ.
Мы подождемъ: быть можетъ, и покойникъ
Еще появится, какой-нибудь Вампиръ,
Таинственный, ужасный, блѣднолицый;
Вотъ тутъ-то будетъ пиръ!
Вотъ тутъ-то всѣ заохаютъ дѣвицы!
Вы поняли, любезные друзья
(По крайней мѣрѣ такъ надѣюсь я),
Что въ глушь, гдѣ приняли въ кровавыя объятья
Ижорскаго Космачъ и братья,
Съ большой дороги близко; а Весновъ,
Скакавшій по дѣламъ на тройкѣ рысаковъ
Въ Орелъ, услышалъ выстрѣлы воровъ:
Онъ отъ того-то такъ явился къ стати
И спасъ Ижорскаго. Ижорскій раненъ: вотъ,
Исполнены любви, старанья и заботъ,
Весновъ и Ваня отъ его кровати
Не смѣютъ отойти. Но вскорѣ здравъ и бодръ
Покинулъ Левъ Петровичъ одръ,
И вскорѣ снова
Веселье дикое въ стѣнахъ Сладкова:
Вино и карты, пѣсни, крикъ и шумъ;
Онъ вновь средь жертвъ своихъ, привѣтливъ и угрюмъ

И шепчетъ, кажется: „всѣмъ гибель вамъ готова!"
Тогда смутилася душа Веснова;
Тогда тяжелой тучей облекло
Его унылое чело;
Онъ не сказалъ Ижорскому ни слова:
Но часто на него подъятый, долгій взоръ
Могущій выражалъ укоръ.
А каковы подъ часъ бываютъ стрѣлы взора
И какъ ихъ трудно перенесть,
Изъ слѣдующаго на сценѣ разговора
Вы можете расчесть.
(Занавѣсъ поднимается; Кикимора уходитъ).

Явленіе 1.

(Кабинетъ Ижорскаго въ Сладковѣ: Ижорскій и Шишимора)

Ижорскій.

Онъ осуждать меня дерзаетъ:
Его молчанье хуже, чѣмъ слова.
Какія жъ надо мной ему даны права?
Что этотъ мальчикъ воображаетъ?
Спасъ жизнь мнѣ!—Но, во-первыхъ, я
Не знаю, стоитъ ли того и жизнь моя,
Чтобъ ею дорожить; а во-вторыхъ, и всякій
Не трусъ, изъ самолюбья одного,
На мѣстѣ Донъ-Кихота моего,
Не отказался бы отъ драки.
За что же тутъ благодарить?
Какое сдѣлалъ онъ неслыханное дѣло?
И дерзости его мнѣ почему сносить?
Мнѣ должно показать мальчишкѣ превосходство
Свое надъ нимъ.

Шишимора (смотрѣвшій на Ижорскаго изъ подлобья,—какъ будто пораженный нечаянною мыслію).
Какое сходство!

Ижорскій.

Чье сходство? съ кѣмъ?

Шишимора.

Съ Княжной.

Ижорскій.

Да, на Княжну похожъ.
Ванюша, казачекъ Веснова.—Далѣ что жъ?

Шишимора.

Ты мыслями себя пустыми не тревожь:
Но сходство велико. Къ тому жъ, такая нѣжность,
Почтительность у барина къ нему!
А у него какая-то небрежность
Когда, что господину своему
Подастъ, когда подниметъ что?... и даже:
Разъ въ разговорѣ казачекъ
Карманный уронилъ платокъ;
Весновъ хотѣлъ поднять; я былъ на стражѣ,
Вошелъ—и, будто пойманные въ кражѣ,
Слуга и баринъ вздрогли.

Ижорскій.

Точно такъ!
Но мы изслѣдуемъ, узнаемъ, что и какъ . . . .
Бѣда имъ, если я обмануть:
Надѣюсь, ужъ впередъ обманывать не станутъ!
(Смотритъ въ окно).
Смотри: какой же рядъ саней
Къ намъ валитъ! какъ на сахаръ мухи,
Ко мнѣ летятъ они: клянусь, должны быть, глухи
И слѣпы всѣ, безъ глазъ и безъ ушей!

Шишимора.

Пусть ихъ!—иди, встрѣчай любезнѣйшихъ гостей.
(Уходятъ оба).

Явленіе 2.

(Другая комната въ Сладковѣ; Весновъ и Лидія).

Весновъ.

Нѣтъ, Ваня, нѣтъ! съ меня довольно:
Здѣсь долѣ не останусь я.

Лидія.

Ахъ, понимаю васъ, и мнѣ смотрѣть такъ больно.

Весновъ.

Растерзана душа моя:
Какъ? онъ ли, кто умомъ и пламеннымъ и смѣлымъ,
Избыткомъ чувствъ, избыткомъ силъ
Меня потрясъ, мнѣ душу поразилъ?
Его ль своимъ лѣтамъ незрѣлымъ
Избралъ я въ образецъ?
Я на него ль взиралъ, исполненъ удивленья,
И думалъ: „наконецъ,
„Тебя нашелъ я, доблестный боецъ,
„Исшедшій съ честью изъ сраженья
„Съ огромной ратницей Судьбой!“
Воскресли для меня въ его лицѣ тѣ мужи,
Прелестной, Греческой, священной старины
Могущіе и дивные сыны,
На коихъ среди битвъ и рока и оружій
Взирали юноши и вмѣстѣ съ жизнью кровь
За ихъ высокую любовь
Изъ ста смертельныхъ ранъ съ улыбкой изливали.
Отнынѣ жъ для меня великихъ имена
Пустыя буквы лишь на суетной скрижали:
Очнулся я отъ сладостнаго сна;
Палъ идолъ мой и всѣ, съ нимъ всѣ кумиры пали!
Когда еще, какъ радостный маякъ,
Онъ освѣщалъ моей грядущей жизни мракъ,—
Блаженъ его любовью,

Своею лучшей и чистѣйшей кровью
Я за его любовь бы заплатилъ:
Безумецъ, за него и дерзостный и гордой,
Я міръ неизмѣримыхъ силъ,
Предполагалъ въ душѣ непоколебимо-твердой,
Въ его душѣ, достойной всякихъ жертвъ . . .
Вдругъ ослѣпленъ затмѣньемъ дикой страсти
Онъ для меня, онъ для всего сталъ мертвъ.
Но даже и тогда все оной темной власти
Хотѣлъ я приписать, которая мужей
Надъ чернью вознесенныхъ
Колеблетъ во сто кратъ сильнѣй,
Чѣмъ стадо смирное обыкновенныхъ,
Къ порывамъ пламеннымъ несозданныхъ людей.
Теперь же—высказать устамъ моимъ не въ силу—
Теперь же всѣхъ надеждъ, всѣхъ сновъ моихъ могилу
Я вижу: горе мнѣ!—мой полубогъ злодѣй!

Лидія.

Нѣтъ, не его вини въ семъ страшномъ превращеньи,
Меня, одну меня; я, я всему виной!
Ко мнѣ онъ бросился съ пылающей душой;—
А я, холодная! онъ былъ осмѣянъ мной!
И вотъ враждуетъ всѣмъ въ злосчастномъ заблужденьи
За преступленіе одной.
Но докажи ему, что дружба есть святая,
Что безкорыстная любовь
Не призракъ, не мечта—и узришь: будетъ вновь,
Чѣмъ былъ онъ для тебя; и, землю освѣщая,
Вы вмѣстѣ, двѣ прекрасныя звѣзды
Взойдете выше горя и бѣды,
Вознесетесь выше всѣхъ искусовъ и прельщеній,
И человѣчества восторга полный геній
Въ немъ Кастора и Поллукса въ тебѣ
Благословитъ. Тогда—такъ! вашей я судьбѣ
Возрадуюсь тогда и примирюсь съ собою:
Быть можетъ, свой обманъ тогда прощу себѣ.

Весновъ.

О Лидія! что ты творишь со мною?
Какъ надо мною ты, волшебница, сильна!
(Входитъ Ижорскій и Шишимора и останавливаются въ дверяхъ, незамѣчаемые Весновымъ и Лидіею).
У ногъ твоихъ клянусь: (Бросается на колѣни) тебѣ посвящена
Отнынѣ жизнь моя; твоимъ орудьемъ буду:
Тебѣ послѣдую во всемъ, тебѣ повсюду . . . .

Ижорскій (выступая впередъ).

Что вижу я? нашъ Грандисонъ каковъ!
Что это значитъ, господинъ Весновъ?
Что это, госпожа Веснова,
Или, какъ васъ прикажете назвать?

Весновъ (вскочившій).

Ижорскій, васъ прошу—ни слова!

Ижорскій.

Не вы ль меня заставите молчать?
Ужъ это чрезъ чуръ забавно!
И на сей разъ
Ослушаться осмѣлюсь васъ . . . .
Да! жизнь свою ты начинаешь славно,
Ты, на груди моей согрѣтая змѣя!
Но къ сердцу своему тебя приблизилъ я,
А ты вѣдь человѣкъ, и было бъ очень чудно,
Когда бы на досугѣ, въ тишинѣ
Ты не придумалъ, какъ расторгнуть сердце мнѣ!

Весновъ.

Предъ вами оправдаться мнѣ не трудно.

Ижорскій.

О вѣрю! что же трудно для тебя?
Ты мальчикъ хоть куда краснорѣчивый;
Но не оправдывай себя:
Не такъ ли? я Dandin рогатый и счастливый *)!

*) Dandin cocu, battu et content.

За вкусъ свой похвалить позвольте васъ, Княжна,
За состраданье къ малолѣтнымъ; впрочемъ,
Надъ вашей хитростью не много похохочемъ:
Ужъ слишкомъ романически она
Придумана, ужъ слишкомъ мудрена!
Ее и въ глупой не допустятъ сказкѣ.
Бѣжать отъ жениха къ любовнику—и въ маскѣ
Въ чехменѣ Казачка . . . . положимъ: но опять
Явиться для чего и это какъ понять?

Весновъ.

Ижорскій, на меня вы желчь свою излейте:
Отъ васъ я все рѣшился перенесть.
Но если дорога вамъ честь,
Княжну вы оскорблять не смѣйте!

Ижорскій.

Мнѣ, мнѣ грозишь, обманщикъ подлый, ты?
Нѣтъ, ярости своей не удержу я долѣ!
Рука ли у меня отпала? я ль въ неволѣ?
Или, объятый мракомъ слѣпоты
Я къ сердцу твоему не обрѣту дороги?
Знай: льва ты уязвилъ среди его берлоги;
Умри! (Бросается съ кинжаломъ на Веснова).

Лидія.

Весновъ! Ижорскій!
(Хочетъ защитить собою Веснова).

Шишимора (удерживаетъ ее).
Стой!
Судьбы не отвратить: година роковая!
(Ижорскій закалываетъ Веснова).

Весновъ.

Все кончено; я разстаюсь съ тобой!
Сказать могу же нынѣ, умирая:
Тебя любилъ я чистою душой.
Ты отъ меня желала тяжкой жертвы,

Но жертву я принесъ: таилъ свою любовь,
Служилъ твоей любви къ другому . . . Стынетъ кровь;
Темно . . . васъ примирю ль по крайней мѣрѣ мертвый?
Ижорскій, да! тебя я предпочелъ себѣ;
Хотѣлъ,—но не угодно то судьбѣ . . .
Языкъ отяжелѣлъ; какая тьма густая!
Спасайся! . . . (Умираетъ; Лидія лишается чувствъ).

Ижорскій.

Что сказалъ онъ, Демонъ? издыхая,
Онъ что сказалъ? „тебя я предпочелъ себѣ?"
Что это? что?

Шишимора.

Вотъ время ты нашелъ
Разспрашивать! Не торопись; узнаешь!
Но буде ты теперь попасться не желаешь,
Хорошъ его послѣдній былъ совѣтъ:
Людей еще покуда нѣтъ,
Спасайся!—Вѣдалъ я, что будетъ твой припадокъ
Не слабъ, и вотъ къ крыльцу велѣлъ подвесть лошадокъ
На всякій случай . . . Что стоишь ты? смотришь что?
Да, точно такъ! ее возьмемъ съ собою:
Но скоро васъ увидитъ кто,
Обоихъ васъ плащемъ своимъ покрою.
(Выноситъ Лидію и насильно выводитъ Ижорскаго).

Явленіе 3.

(Степь. Ижорскій, Шишимора, Лидія—спитъ).

Ижорскій.

Моимъ безпамятствомъ воспользовался ты;
Ее съ собою взялъ; на что намъ это бремя?

Шишимора.

Вы, люди, странное смѣшное, право! племя:
Что часъ,—мѣняете желанья и мечты.

Ушла,—и ты бѣсился; нынѣ
Одна, въ твоихъ рукахъ, безъ помощи, въ пустынѣ;
Я думалъ, ты меня похвалишь, скажешь: хватъ!
Ни тутъ-то было, нѣтъ! все же я же виноватъ:

Ижорскій.

Злой духъ, довольно преступленій:
Ихъ новыми умножить не хочу.

Шишимора.

Ты только лѣзешь на ступень съ ступени,
Но вотъ взберись совсѣмъ на каланчу,
Увидишь самъ . . . .

Ижорскій.

Ужасный искуситель!
Чего еще желаешь? я губитель;
Убійца подлый я:
Не въ поединкѣ, въ битвѣ равной
Противника сразила месть моя;
Нѣтъ, въ безоружнаго вонзилъ я нож безславной!

Шишимора.

Ха! ха! ха! ха! ты тутъ забавной!
Тебѣ прискорбно то,
Что ты не въ силу вашихъ правилъ,
„Какъ убивать людей“, убилъ Веснова, что
Тебя я отъ хлопотъ избавилъ,
„Зачѣмъ при этомъ не былъ“, де „никто
Изъ забіякъ задорныхъ,
Отставленнныхъ за буйство, въ фракахъ черныхъ,
Въ усахъ, въ венгеркахъ, длинныхъ, словно шестъ,
Сухихъ? . . . “ Но описанье надоѣстъ;
И сами скуку и тоску наводятъ;
Ихъ знаешь: въ шулерахъ друзей себѣ находятъ;
Чтобы попить, поѣсть,
Такъ называемая *честь*

Для нихъ единственное средство;
Два пистолета гербъ ихъ и наслѣдство:
Двухъ молодыхъ глупцовъ ихъ дѣло свесть,
Зарядъ повѣрить,
Шаги отмѣрить,
И выстрѣла дождаться; а потомъ
Подробно, съ разстановкой за столомъ
Разсказывать, какъ все происходило,
Какъ благородно, мило
И, слѣдуя всѣмъ правиламъ, дуракъ
Другого дурака отправилъ въ вѣчный мракъ.
Благодарить меня ты долженъ бы, чудакъ,
Что ты извелъ врага безъ дальнихъ объясненій,
Безъ этихъ скучныхъ всѣхъ приготовленій,
Переговоровъ, писемъ, посѣщеній
Вышерѣченныхъ забіякъ,
Которые тебѣ враньемъ бы надоѣли,
Тебя бы волокли къ тому же, къ той же цѣли,
Да только цѣлыя недѣли!

Ижорскій.

Что съ нею дѣлать мнѣ?—Такъ: я неколебимъ;
Такъ, знаю: всѣ они повапленные гробы,
Всѣ преисполнены предательства и злобы
И никогда ни въ чемъ ужъ не повѣрю имъ . . . .
Но признаюсь, въ пустыя увѣренья,
Что изъ любви ко мнѣ, для моего спасенья
Переодѣлась, что Весновъ,
Собою жертвуя, ей помогалъ, не болѣ . . ,
Такія басни для однихъ глупцовъ . . .
Но, признаюсь, меня смущаютъ поневолѣ;
А чаще бѣсятъ,—лобъ у ней каковъ?
Чтобъ я вдался въ обманъ, надежды не теряетъ!
Я? сумасшедшимъ ли она меня считаетъ?
Къ тому же эти слезы? Сверхъ того
И для побѣга моего
Она тяжелая помѣха . . . . .
Чему смѣешься ты? мнѣ, право! не до смѣха.

Шишимора.

Какъ не смѣяться тутъ? ты чудный человѣкъ:
А развѣ мало рѣкъ,
Въ которыя ее ты могъ давнымъ давно бы? . . .
Ты жъ знаешь: *всѣ они повапленные гробы,*
Всѣ преисполнены предательства и злобы:
Такъ, что же и жалѣть? Или когда въ тебѣ
Ужъ нѣтъ довольно мужества и силы,
Чтобъ самому раскрыть ей дверь могилы,
Такъ предоставь ее судьбѣ;
Брось Аріадну здѣсь—и будешь ты Ѳезеемъ!

Ижорскій.

Мнѣ ль совершеннымъ быть злодѣемъ?

Шишимора.

Быть совершеннымъ, братъ, довольно мудрено
И потому-то, знай, оно
Всегда, во всемъ почтенія достойно.

Ижорскій (глядя на Лидію).

Какъ спитъ она и сладко и спокойно!

Шишимора.

Тѣмъ лучше для нея и даже и для насъ!
Пока еще не отворила глазъ,
Пойдемъ, прими совѣтъ полезный,
Пойдемъ—и разомъ съ плечъ долой.
(Ижорскій медлитъ).
А то, тебѣ сказать я долженъ, другъ любезный:
Ты молодецъ съ горячей головой;
Мнѣ не предвидѣть всякаго мгновенья:
Еще, быть можетъ, собственной рукой . . . .
Оно бъ и ничего: но скучны поученья,
Упреки скучны мнѣ, которымъ всякій разъ
Внимаю въ слѣдствіе твоихъ проказъ,
Такъ лучше удалось отъ претккновенья:
Мнѣ дорогъ до того покой,
Что даже я забылъ бѣсовъ обыкновенья:

Тебя не искушаю, мой герой:
Напротивъ предваряю преступленья.
(Ижорскій поспѣшно уходитъ).
Идетъ, бѣжитъ . . . . постой!
Подѣйствовало!—нужно жъ было,
Ихъ было разлучить пора;
Она опасна намъ; ужъ началъ онъ уныло
Смотрѣть, вздыхать.—Нѣтъ! тутъ не вышло бы добра
И эти самыя всегдашнія нападки
На человѣчество, на міръ и на нее . . .
Да! подтверждаютъ мнѣніе мое,
Что правила его ужъ очень стали шатки,
Что голосъ сердца крикомъ заглушить
Едва ужъ можетъ онъ . . . . пора его сгубить!
Тебя я, безнадежность, призываю.
Отчаянье, тебя зову!
Тебѣ его, какъ жертву, посвящаю:
Созрѣлъ—и богоборную главу
Пусть сокрушитъ въ неистовствѣ о камень!
Схвати безумца, смерть души! схвати
Преступника желѣзными когтями
И сринь его въ неугасимый пламень!
(Уходитъ, солнце садится; при послѣднихъ его лучахъ начинается тихая, торжественная музыка: является Титанія и становится въ головахъ Лидіи).

Титанія.

Пронеслися испытанья;
Стану и расширю дланья,
И страдалицу младую
Сномъ чудеснымъ, мирнымъ сномъ,
Непробуднымъ очарую.
(Ведетъ рукой).
Розы, вспыхните кругомъ!
(Кусты розъ распускаются вокругъ Лидіи).
Вы, древа, къ ея защитѣ
Вѣтви темныя прострите!
(Дерева поднимаются изъ-подъ земли и осѣняютъ Лидію).

Ты запой въ ночи вѣтвей,
Сладкогласный соловей!

(Слышно пѣнье соловья).

Мимо прожурчи, ручей!

(Является ручей).

Пусть твой тихій, тихій шопотъ,
Заглушая стонъ и ропотъ,
Унесетъ съ собою въ даль
Дѣвы слезы и печаль!

* * *

(Темнѣетъ; музыка).

Пиръ готовъ благоуханій,
Звуковъ пиръ и пиръ мечтаній:
Да почіетъ, возлетая,
Въ вѣщемъ снѣ въ жилища рая.
Да почіетъ здѣсь, доколѣ
Ангелъ не слетитъ оттолѣ!
Ангелъ тотъ путеводитель
Вознесетъ ее въ обитель,
Гдѣ безъ примѣси блаженство,
Вѣчный свѣтъ и совершенство!

(Стало совсѣмъ темно; Титанія пропадаетъ въ мракѣ: музыка продолжается все тише и тише; восходитъ луна и озаряетъ спящую Лидію).

Явленіе 4.

(Взморіе, утесы; полночь. Бука на свиснувшей надъ водой скалѣ).

Б у к а.

Расширь сотканныя изъ молній крила,
Одѣнь въ пожары темную лазурь;
Дохни, задуй полночныя свѣтила;
Взволнуй пучину неба, Демонъ бурь?

Демонъ воздуха (въ высотѣ).

Разыграюсь подъ шатромъ
Безпредѣльнаго эѳира;
Вихремъ гряну, брошу громъ;
Вздрогнутъ основанья міра.

(Начинается гроза и буря).

Бука.

Реви, реви, властитель водъ шумящихъ,
Противъ твердыни черныхъ, дикихъ скалъ
На приступъ устремляй за валомъ валъ!
Въ уныломъ гулѣ гласовъ ихъ стенящихъ
Пусть слышится послѣдній, смертный стонъ;
Пусть въ искрахъ моря взглядъ послѣдній блещетъ,
И пусть убійца узритъ и встрепещетъ
И съ ужаса пусть обезумитъ онъ!

Демонъ моря (вздымаясь изъ волнъ).

На приступъ, на приступъ! бѣгите, валы;
Главы воздымайте огромныя, бѣлыя:
Дружнѣе, впередъ, мои ратники смѣлые!
Подройте подножье кремнистой скалы.

(Начинается волненіе).

Бука.

О Царь подземной тьмы! и ты внемли:
Схвати, подвинь столпы безмолвной бездны;
Пусть съ трескомъ лопнетъ скорлупа земли,
Пусть въ мракъ могильный свѣтъ проникнетъ звѣздный,
И пусть Суда проникнетъ грозный свѣтъ
Съ нимъ вмѣстѣ въ мракъ дрожащаго злодѣя,
Пусть онъ воскликнетъ: „мнѣ спасенья нѣтъ!"
И въ бездну прянетъ, цѣпенѣя.

Демонъ земли (высовывая огромную голову изъ пропасти).

Съ роковыхъ твоихъ словъ
Среди тьмы я проснулся;

И едва я коснулся
Адамантныхъ столповъ:
Весь мой домъ пошатнулся;
И ногой едва топнулъ:
Рухлый хрящъ земли лопнулъ.
(Погружается; земля трясется).

Б у к а (смотритъ въ даль).

Онъ! онъ идетъ, самимъ собой гонимый
И черный ангелъ съ нимъ; и въ чашу ядъ
Ужъ налилъ свой огонь неугасимый:
Его намъ предалъ рокъ неумолимый;
Испьетъ преступникъ неисцѣльный ядъ.
(Исчезаетъ Бука; на противоположный утесъ выходятъ Ижорскій и Шишимора).

Ижорскій.

Природа въ судорожномъ припадкѣ?
По черной тверди мчится громъ;
Кивнулъ сѣдой утесъ челомъ;
Земля трясется въ лихорадкѣ.
Но жажду слышать трескъ и шумъ:
Пусть шумъ и трескъ и завыванья
Поглотятъ чувствъ моихъ и думъ
Неукротимыя взыванья!
Нѣтъ! не вопій, Веснова кровь!
Нѣтъ! не воздвигнется мой волосъ:
Напрасно къ небу вновь и вновь
Возносишь мстительный свой голосъ.
Меня ль лишить ума и силъ?
Тебя ль услышитъ Богъ-Каратель?
Я—сердце черное пронзилъ;
Да!—мерзостный погибъ предатель.
Была ужасна жизнь моя:
Съ начала жертва,—тутъ губитель . . .
Но пусть!—Не содрагаюсь: я
Былъ правой казни совершитель,
Такъ смолкни жъ, лютая тоска!
Молчи, затихни,—заклинаю!

Или не слышишь, что вѣщаю?
Измѣннику моя рука,
Злодѣю должное воздала,
Врагу воздалъ я мздой кинжала!
Засните жъ, спите!—но—увы!
Вы не умолкнете вовѣки,
Вовѣки не умрете вы,
Безумной совѣсти упреки!
Не я ль покинулъ и *ее*,
Въ безплодной, горестной пустынѣ?
Быть можетъ, ужъ погибла нынѣ
Скончала въ мукахъ бытіе;
И члены сладостнаго тѣла—
Вотще щедрота неба ихъ
Въ красу роскошную одѣла—
Истлѣютъ средь песковъ сухихъ,
Или же будетъ имъ гробница
Зовущая своихъ дѣтей
Голоднымъ воемъ изъ степей
На брашно страшное волчица!
Прочь, прочь, призраки! прочь, позоръ,
Раздравшій сердце, тьмящій душу!
Прочь!—Суетные сны разрушу;
Ихъ свѣетъ мой отважный взоръ.
Ты свѣтъ зажги мнѣ въ тьмѣ сомнѣній,
Ты днесь мнѣ истину скажи,
Ты, мрачный рабъ мой, Демонъ лжи,
Ты, древній хульникъ, черный геній!
Тебѣ я силою кольца
И властью, взятой надъ тобою,
И страшнымъ именемъ Творца
Повелѣваю: предо мною
Мои всѣ тайны обнажи;
Мнѣ нынѣ истину скажи:
Я грозный ли, но правый мститель?
Или неистовый губитель?
Вѣщай, повѣдай, Демонъ лжи!

Шишимора.

Глаголомъ той трубы стенящей,
Которая въ концѣ вѣковъ
Воздвигнетъ трупы изъ гробовъ,
Глаголомъ казни, вѣчно мстящей,
Вѣщать тебѣ подъемлюсь я:
Ничтожный смертный, торжествую!
Такъ, молвлю правду роковую—
И въ мигъ умретъ душа твоя;
Заклятіемъ твоимъ плѣненный,
Я, благости лютѣйшій врагъ,
Я молвлю: „онъ, тобой сраженный,
Онъ вѣренъ былъ, и чистъ, и благъ!“
Кругомъ его души ходилъ я,
Высматривалъ, какъ жадный звѣрь,
Но,—ярости моей повѣрь,—
Не находилъ, за что бы могъ
Схватить его, потрясть и сдвинуть
И въ бездну за тобою сринуть.
Разрушилъ дивный ты чертогъ,
Ты храмъ сломилъ, злодѣй кровавый,
Гдѣ духъ жилъ, созданный для славы,
Для утѣшенія земли.
Терзайся, рвися и внемли:
Какъ нѣкогда Алкидъ могущій,
Младенецъ, змѣя задушилъ,
Такъ точно онъ, Алкидъ грядущій,
Исполненъ благородныхъ силъ,
Свое же сердце побѣдилъ;
Души желанье, страсть живую,
Расцвѣтшихъ, первыхъ чувствъ восторгъ
Онъ, раздирая грудь младую,
Для друга, для тебя исторгъ;
Тебя слѣпецъ великодушный
Приносомъ счастья своего
Спасти хотѣлъ; но ты, послушный
Злорѣчью сердца твоего,

Ты, алчный тигръ, пожралъ его.
Клянусь твоею слѣпотою,
Клянусь бездонной, вѣчной тьмою,
Грядущимъ жребіемъ твоимъ,
Клянусь презрѣніемъ моимъ
И яростной къ тебѣ враждою
Клянусь, клянусь, клянуся *Имъ*,
Кого назвать я не дерзаю,
Клянуся: истину вѣщаю.

* *
*

Терзайся, рвися и внемли!
Людей безумны, слѣпы чувства,
Смѣшны восторги чадъ земли;
Но безъ притворства, безъ искусства,
Забывъ и міръ весь и себя,
Любила Лидія тебя.
А ты—свирѣпый огнь Эрева
Твоя бунтующая кровь:
Нѣтъ! ты не вѣруешь въ любовь;
Ты сынъ проклятія и гнѣва:
Смрадъ изъ души твоей возникъ,
Изъ гроба чувствъ твоихъ гніющихъ,—
И мглой зловоній, смерть несущихъ
Прекрасный осквернился ликъ
Ее, безжалостный и хладный,
Ты растерзалъ, какъ волкъ не гладный,
Но жаждущій убійствъ однихъ
И бросилъ средь степей глухихъ.
Клянусь твоею слѣпотою,
Клянусь бездонной, вѣчной тьмою,
Грядущимъ жребіемъ твоимъ,
Клянусь презрѣніемъ моимъ
И яростной къ тебѣ враждою,
Клянусь, клянусь, клянуся *Имъ*,
Кого назвать я не дерзаю,
Клянуся: истину вѣщаю!

* * *

Терзайся, рвися и внемли!
Ты призванъ былъ въ свѣтило міру,
Былъ созданъ солью быть земли:
Но самъ раздралъ свою порфиру,
Съ главы вѣнецъ свой сорвалъ самъ,
Державу сокрушилъ златую
И бросилъ часть свою святую
На оскверненье, въ жертву псамъ.
Ты волю буйнымъ далъ мечтамъ,
Межу ты сдвигнулъ роковую
И такъ въ строптивомъ сердцѣ рекъ:
„Да будетъ Богомъ человѣкъ!"
Но человѣка человѣкомъ
Вездѣ, всегда ты обрѣталъ;
Тогда неистовымъ упрекомъ
На сына праха ты возсталъ
И бѣсомъ смертнаго назвалъ.
Но я твоею слѣпотою,
Но я бездонной, вѣчной тьмою,
Грядущимъ жребіемъ твоимъ,
Но я презрѣніемъ моимъ
И вѣчною къ тебѣ враждою
Клянусь, но я клянуся *Имъ*,
Кого назвать я не дерзаю,
Тебѣ клянуся и вѣщаю:
Не безпорочный сынъ небесъ
Могучій, чистый, совершенный,
Не сынъ же бездны—нѣтъ! не бѣсъ
Земного міра гость мгновенный.
И се—неисцѣлимый ядъ
Въ твою раздавленную душу
Волью—и съ хохотомъ обрушу,
Безумецъ, на тебя весь гадъ:
Ты червь презрѣнный, подлый адъ,
Своею дерзостью надменной
Ты сталъ въ посмѣщище бѣсовъ

И въ мерзость области священной
Блаженныхъ, радостныхъ духовъ!

(Послѣ третьяго: *„терзайся, рвися, и внемли"*, Шишимора начинаетъ превращаться въ огромное, ужасное чудовище; при послѣднемъ стихѣ онъ возросъ до того, что головой заслонилъ выглянувшую между тѣмъ изъ-за тучъ луну, а голосъ заглушилъ громы. Ижорскій безъ чувствъ падаетъ подъ скалу; являются Бука и Кикимора, также росту исполинскаго).

Кикимора (смотритъ внизъ).

Лежитъ безъ жизни подъ скалою:
Онъ жизнь въ отчаяньи скончалъ;
Клевретъ, смирясь предъ тобою,
Я предъ тобою слабъ и малъ.

Бука.

Такъ, онъ безъ жизни подъ скалою:
Доволенъ, Демонъ, я тобою;
Ты, спутавъ сѣтію грѣха,
Сгубилъ безумца.

Шишимора.

Ха! ха! ха!

(Гулъ повторяетъ хохотъ бѣсовъ: громы гремятъ: вдругъ необычайный блескъ, Перунъ падаетъ передъ бѣсами и имъ предстоитъ Добрый Духъ).

Добрый Духъ.

Ты торжествуешь, племя ада;
Но Богъ преложитъ смѣхъ твой въ стонъ:
Не любитъ такъ родитель чада,
Какъ человѣка любитъ Онъ.
Святой руки Своей созданье
Вамъ дастъ ли Онъ на поруганье?
Онъ? Онъ и червя слышитъ гласъ,
Судьбину и былинки мѣритъ;
Кто жъ смѣетъ молвить, кто жъ повѣритъ,
Чтобъ сотворилъ Благій для васъ
Того, кому моря и сушу,
Огонь и воздухъ покорилъ,

Того, въ кого живую душу
Свое подобіе вложилъ?

Кикимора.

Не вѣришь? пусть! нужды намъ мало;
Да лишь бы дѣло было такъ.
Взгляни: дыханья въ немъ не стало:
Его сковалъ могильный мракъ.
Онъ былъ при жизни нашей жертвой:
У насъ отнимется ли мертвой?

Добрый Духъ.

Да будетъ же, безумцы, вамъ
Предъ небомъ и предъ бездной срамъ!
Страдалецъ, вами возведенный
На темя дерзновенныхъ скалъ,
Всѣхъ чувствъ отъ ужаса лишенный
Не самъ съ нихъ бросился, а палъ;
И посему вамъ возвѣщаю:
Онъ сокрушенъ, но зрите, живъ,
Раскаянье не путь ли къ раю?
Господь и святъ и справедливъ.

Бука.

Раскаянье? Оно ли въ силахъ,
Судьбой разорванную нить
Связать и спящіе въ могилахъ
Погибшихъ трупы воскресить?

Добрый Духъ.

Блаженъ невинно убіенный:
Земли онъ не желаетъ вновь;
Онъ тамъ, гдѣ свѣтъ неизрѣченный,
Гдѣ неисчерпная любовь.
За душу жъ скорбнаго убійцы,
Дрожащаго полночной тьмы,
Бѣгущаго лучей денницы
Господню благость молимъ мы,
И се Господь ему страданья

И долгій посылаетъ вѣкъ
И се въ горнилѣ испытанья
Спасется грѣшный человѣкъ.

Шишимора.

Нѣтъ! Нѣтъ! я своего стяжанья,
Повѣрь, не выпущу изъ рукъ:
Ударю, плоть его разрушу
И съ смѣхомъ стонущую душу
Въ адъ увлеку, въ жилище мукъ.

(Хочетъ броситься на Ижорскаго).

Добрый Духъ.

Стой, врагъ! во имя Пресвятаго
Тебѣ повелѣваю: стой!
Отнынѣ средь песка морскаго
Вздымайся черною скалой!

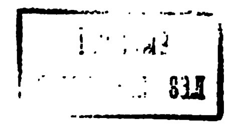
(Шишимора превращается въ утесъ).

Вы, зритель, вы, его клевреты,
Что ваша буйная борьба,
Что ваши гордые навѣты?
Васъ да страшитъ его судьба!

(Бука и Кикимора обращаются въ бѣгство).

Бѣжите, полные боязни:
Но васъ достигнутъ громы казни.

(Между тѣмъ буря прошла; солнце восходитъ. Добрый Духъ исчезаетъ, сливаясь съ его лучами. Занавѣсъ опускается).

10) Военныя поселенія и Аракчеевъ.

11) Междуцарствіе и возстаніе 1825 года.—Въ двухъ частяхъ Г. Василича. Первая часть конфискована по распоряженію комитета по дѣламъ печати (См. Русск. Вѣд. № 242 и Утро Россіи № 29).

12) Апологія сумасшедшаго и философскія письма Петра Чаадаева.

Изданіе составитъ двѣнадцать выпусковъ, въ 160 страницъ каждый, большого формата, въ общей сложности до 2000 страницъ текста.

Къ нему будутъ приложены **портреты** выдающихся дѣятелей и рисунки, изображающія событія.

Вышло **три** выпуска; остальные будутъ выходить приблизительно каждый мѣсяцъ. Для удобства изданія выпуски будутъ выходить не въ хронологическомъ порядкѣ событій.

Условія подписки:

1) Для **иногороднихъ:** при подпискѣ уплачивается 1 руб. **50** к. и при полученіи первыхъ **десяти** выпусковъ по **одному** рублю, кромѣ **пятаго,** за который уплачивается 1 руб. **50** коп., **одиннадцатый** и **двѣнадцатый** выпуски—**безплатно** съ пересылкой во всѣ города Россіи. Сверхъ того, за наложенный платежъ каждый разъ по **10** коп. (почтовые расходы). Въ случаѣ уплаты сразу впередъ за каждые **два** выпуска, наложенный платежъ принимается издательствомъ на себя.

2) Въ Москвѣ—1 руб. **50** коп. при подпискѣ и при полученіи первыхъ **одиннадцати** выпусковъ по **85** коп. (непосредственно въ контору)—**двѣнадцатый безплатно.**

ПРЕМІЯ: Подписчики по уплатѣ 10 рублей получатъ **премію**—большую (18×15 вершковъ) картину, лучшаго русскаго художника, историческаго содержанія (XVIII или XIX-го вѣка). Редакція еще не остановилась окончательно на опредѣленной картинѣ; сюжетъ и имя художника будутъ объявлены въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Картина же будетъ готова къ 1-му іюня и тогда же будетъ разсылаться подписчикамъ, внесшимъ 10 рублей, внѣ зависимости, отъ количества полученныхъ выпусковъ.

Пересылка картины (**30** коп.) за счетъ подписчика.

Для подписчиковъ **«Библіотека Декабристовъ»** выключаются выпуски: **Междуцарствіе и востаніе 1825 г.**

Издатель-Редакторъ
Г. Балицкій.

Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская, 85, 29.
Телефонъ № 104-31.

Русское Товарищество, Москва.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
БИБЛІОТЕКА ДЕКАБРИСТОВЪ

Выпускъ десятый—(Кн. II-ая въ 1908 г.)

Ижорскій

Мистерія Кюхельбекера.

Цѣна 85 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на мѣсяцъ—85 коп.; на два мѣсяца—1 руб. 50 коп. на три мѣсяца—2 руб.; на полгода—4 руб.

